

АНДРЕЙ АРСЕНЬЕВ В СЛУЧАЕ
УБИЙСТВА
КРИЧИТЕ

«А»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ХУДОЖНИК
ЭДУАРД ЗАСТОЛЬНИКОВ

18+

Андрей Арсеньев

В случае убийства кричите «А»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974995

SelfPub; 2024

Аннотация

Шифер убит. Что делать? Правильно, звонить детективу, чтобы тот взялся за залупу и расследовал это сложное дело. Теплоход. Одиннадцать подозреваемых. Каждый да что-то скрывает. Но вот что? Кругом одни вопросы: Кто такой капитан и как он выглядит? Суровый ли Суворов? Сколько сил надо приложить на спусковой крючок пистолета, дабы тот выстрелил? Какую роль во всём этом играет «Твин Пикс»? И правда ли, что Байден – это всего лишь искусственный интеллект в теле ребёнка? Не все вопросы будут подняты в этом детективе. Вернее подняты будут не только лишь все, мало кто может это делать. Текст книги сопровождается изумительными иллюстрациями от арсеньеведа Эдуарда Застольникова.

Содержание

I	4
II	24
III	87
IV	109
V	128

Андрей Арсеньев В случае убийства кричите «А»

I

Звонок – Прибытие – Бочёнкин – Осмотр места преступления – Бочёнкин и ответы

Это произошло рано утром. Звонок. На телефон.

До этого – вечером – я снова навестил его. Сколько лет прошло, а я до сих пор обращаюсь к нему за советом. Всё заросло травой, сорняками. Никогда не понимал этих уборок. К чему? Если кто-то меня за это осуждает – прошу, мне сорняков не жалко. Не мои.

Это он привил – вдолбил – мне стремление к совершенству во всех своих делах. И я строго этому следую. Везде: и *тут* и *там*.

Всегда засиживаюсь допоздна. Молчком. Все вопросы в голове. Ушёл лишь тогда, когда Большая Медведица с помощью ковша запрокинула себе ночь за шиворот. По дороге домой они неспешно скрылись обе.

Поспал всего два часа. И вот он. Тот самый. Звонок. Сно-

ва убийство.

Задолбали.

Крузиный теплоход. У себя в каюте найден мёртвым немалоизвестный бизнесмен Кирилл Андреевич Шифер. Туловище на кровати. Ноги на полу. Височная доля тью-тью. Пистолет в районе правой руки. Но не в ней, что логично.

Самоубийство?

Улыбаюсь и верчу головой в стороны.

У убитого на правой руке нет четырёх пальцев. Только большой. И это случилось не сейчас. Давно.

Нанял меня кто-то из представителей Шифера. Полиция дала добро. Я уже давно верчусь в своём поприще. И благодаря великолепным результатам легко позволяю себе отклонять любое неинтересующее меня дело.

Я согласился.

Отправился тут же. Собрал чемодан: всякие детективные примочки, чёрный смокинг – для детектива самое оно, шляпа – на всякий случай, бутерброды – в дорогу, и яйцerezка – для пыток. А также не забыл про пистолет. Magnum S & W500 с 21-сантиметровым дулом – детектив всегда должен быть соблазнительен для женщин.

Дорожный костюм на мне. В путь. До теплохода десятки километров. Можно было сначала по дороге, затем по воде. Я решил сразу по воде. Благо расположение реки позволяло это. Вода была прохладная. К наступлению вечера стала совсем холодная. В середине пути решил перекусить. Вско-

ре возобновил путь. Вдали завиднелись огни теплохода. Он стоял в ожидании меня. На палубе кто-то находился. Заметив меня, замахал рукой. По комплекции догадался, кто. Это был звонивший в полицию. Мне рассказали про него и назвали фамилию – Бочёнкин. Он служит охранником на этом маленьком судёнышке.

– Андрей Арсеньев? – протягивая мне руку из бочки. Казалось, будто кто-то в шутку натянул униформу на деревянную винную бочку. Но перед этим, конечно же, засунув в неё человека. – Бочёнкин Анатолий Викторович. Это я звонил в полицию.

Макушкой он доставал мне до носа. Волосы чёрные, короткие, на висках аккуратно подстрижены. Лицо круглое, доброе. Верхняя губа украшена тоненькой полосочкой усов. Прямо над самым ртом. Похоже, Бочёнкин старательно каждый день выбривает её под носом, а снизу ножницами, чтобы не лезли в рот. Не исключено, что ему даже приходится прибегать к щипчикам, очень уж эта полосочка смахивала на обдерганную бровь. Это был редкий случай заблудившейся моноброви. Цветом она была не чёрная, как волосы на голове, а скорее каштановая, коричневая по-простому. Будто он только что выпил какао.

Всё это время Бочёнкин стоял с протянутой рукой и пялился на меня, пока я, не обращая на него внимания, снимал с себя дорожный костюм. Он весь промок. Я сбросил его на пол и остался стоять в чём мать родила.

– Моя каюта готова? – беря с пола чемодан. – Мне нужно переодеться.

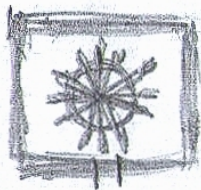
– Э-э... да, да, идите за мной.

С чемоданом в руке, высоко задрвав подбородок и махая писюном, я последовал за сконфуженной спиной Бочёнкина под доносившееся где-то с палубы:

– Да чтобы я!.. ещё хоть раз!.. бросил якорь!.. из-за како-

го-то хуя!

Бочёнкин привёл меня к двери, вставил ключ, провернул, и теплоход пришёл в движение. Каюта была ничего так, с уютом. В правом, дальнем от двери, углу стояла кровать с прикроватной тумбочкой и зеркалом, в левом углу – столик со стулом, а в следующем, слева от двери, висела перекладина с вешалками для одежды – одно плечико облачилось в халат. По центру стены, напротив входа, имелось круглое окошко с видом на палубу. И всё. Я выразил желание не откладывать осмотр тела до утра и заверил моего нового товарища, что дорога меня ничуть не вымотала. Быстро привёл себя в порядок: костюм, расчёска и маузер. Бочёнкин не захотел присутствовать при моём одевании и остался за дверью. За это время я задал ему кое-какие вопросы и узнал, что на теплоходе обустроены восемь кают, разделённые пополам коридором, один конец которого ведёт в столовую, а второй – на палубу. У входа в столовую друг напротив друга располагаются два туалета: один мужской, а другой... сами догадаетесь. На палубе, в стороне от единого сооружения из кают и столовой, одиноко стоит рулевая рубка. Что касается людей, то сейчас на судне находятся одиннадцать человек, исключая меня и убитого: шесть из них пассажиры, один охранник – Бочёнкин, один повар, два музыканта и штурман – он и есть капитан и владелец теплохода.

СЦЕНА КУХНЯ

Ж

М

8

7

6

5

4

3

– Это он так разозлился на меня? – спросил я, выходя из каюты с детективным чемоданчиком в руке.

– Да. Но не обращайтесь внимания, он всегда не в духе.

Я двинулся за провожатым. В коридоре царила тишина.

– А как все отреагировали на случившееся?

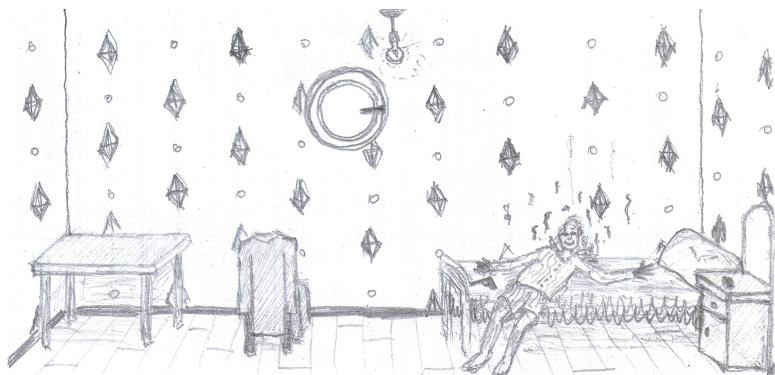
– Шок, конечно, – ответил Бочёнкин, остановившись у двери каюты под номером 1 и доставая ключи.

– Кроме убийцы, конечно же.

Бочёнкин на пару секунд завис над обработкой информации, кивнул и открыл дверь.

Каюта эта находилась в самом начале коридора, у входа на палубу. Я вошёл и увидел такую картину: туловище на кровати, ноги на полу, руки раскинуты в преддверии объятий. Всё именно так, как сообщили по телефону. Одет в пижаму и трусы-семейники. Седые волосы – с рыжцей – зачёсаны назад, справа совсем сбиты. Правое полушарие разбежалось по каюте. Брызги на стенах, про кровать вообще молчу. Интерьер каюты идентичен моей, вплоть до висящего на вешалке халата. Костюм убитого – пиджак и брюки – покоился на стоящем у окна стуле: пиджак на спинке, брюки на сиденье. Всё выглажено. В пиджаке нашёл паспорт. Кирилл Андреевич Шифер. 11.11.1951. Русский. Женат не был. Детей не имеет. На тумбочке лежали ключи от каюты и телефон – заблокирован. В самом ящике были кошелёк и пузырёк с таблетками. Кошелёк полнился визитками, банковски-

ми картами и наличными в сумме 39 000 рублей. Также в ящике обнаружил беруши с сантиметровым слоем серы.

– Это за счёт заведения, – сказал Бочёнкин, указывая на беруши. – У нас по вечерам концерты.

Открыл дверцу тумбочки. Пусто. Сама дверца была обляпана разноцветными окаменевшими жвачками. Видимо тоже за счёт заведения.

– У него есть родственники?

Бочёнкин пожал плечами. Он стоял у двери и наблюдал за моим осмотром.

Вот она клешня. От четырёх обрубков осталась только половина первой фаланги. В 10 см лежит пистолет.

– Я надеюсь, вы ничего здесь не трогали?

– Я же не дурак.

Хм.

– Хм, особая модель, редчайшая, – держа пистолет в перчатках. – Nedotroga. Я такой видел только раз у знакомого коллекционера.

– А что в нём такого особенного? – робко выговаривая у двери.

– У него очень тугой спусковой крючок. Чтобы выстрелить, нужно приложить на спусковой крючок силу в 60 кг.

– Хм, а зачем?

Посмотрел магазин – не хватает одного патрона.

– Что зачем?

– Э, зачем нужен такой тугой спусковой крючок?

– Не знаю. У богатых свои причуды. Может, хотят иметь пистолет, а стрелять боятся... если только в экстренной ситуации, когда адреналин сил подбавит.

Я открыл свой чемоданчик, достал пудру, помазок и принялся за поиски отпечатков пальцев на оружии. Да, я – ретро-детектив.

– Вы видели у него пистолет?

– Нет.

– Угу... Расскажите, как давно вы в море?

– Второй день.

– Откуда направляетесь? И куда?

– Из пункта А в пункт Б.

– С какой целью?

– Это наш обычный маршрут. Так всегда и плаваем. Туда

и обратно.

– Как набирали пассажиров?

– У нас этим один человек занимается.

– Угу... Кто?

– Глеб. Ручкин. Он у нас и певец, и официант, за дополнительную плату и в каюте убирается. Вот и зазывала тоже.

– Угу, а об убитом что скажете?

Пожал плечами.

– Вежливый пожилой человек. Всегда здоровался. Всегда «спасибо» в столовой официанту.

– Он с кем-то общался за это время?

– Э, да он со всеми понемногу пытался поговорить. Ради знакомства.

– С вами говорил?

– Так, подходил. О погоде разговаривали.

– А с другими?

– Не знаю... Да вроде также, ни о чём серьёзном.

– Угу, а теперь подробно расскажите об убийстве.

– Э-э, я сначала сидел в столовой, а потом ушёл на палубу...

– Одни были в столовой?

– Нет, там пели Ручкин и Семён... Николаев – он на гитаре играет. У нас сцена в столовой прямо перед столиками. Потом ещё Пузо был...

– ?

– А, это наш повар, – усмехаясь. – По-правильному нужно

говорить Пузó. Он француз. Жерар Пузó. Но мы его Пу́зо называем... Вот он тоже там был. Он всегда во время выступлений стоит у двери и смотрит. Обожает их.

– И всё?

– Нет, ещё пассажир один был, бывший военный. Суворов – фамилия.

– Всё?

– Да.

– Угу... значит, вы, Суворов, Пу́зо... Николаев... и...

– Ручкин. Глеб Глебович.

– Угу. А времени сколько было?

– Полдевятого.

– Угу. Вы, значит, не поклонник музыки?

– Почему?

– Раз ушли.

– А, просто захотелось прогуляться.

– Вовремя... Вы говорите, говорите. Что дальше было?

– Э-э, я вышел на палубу, постоял у бортика, где-то минуту...

– Угу.

– Потом пошёл обратно. И вот когда я был прямо у двери, вот этой... – показывая на дверь.

– Угу.

– Я услышал выстрел!

– Угу. А когда случился выстрел, вы где именно были у двери?.. С какой стороны от неё? – Бочёнкин напряг брови. –

Вы стояли в коридоре или здесь, в каюте? – Я лукаво посмотрел на Бочёнкина. – Хе-хе!

– А-а! Вы об этом... хы... в коридоре, конечно же.

– Угу, а дальше?

– Дальше? Дальше я постучал в дверь, начал звать, чтобы открыли. Но мне никто не ответил, и тогда я открыл своим ключом, и вошёл.

– И?

– И-и... только один труп!

– Угу.

– Больше никого!

– Угу! – вставая. – Как это ни банально, но отпечатков нет.

Бочёнкин сочувствующе кивнул.

– А свет? – сказал я, указав пальцем на люстру. – Он был включён?

– Э, нет, я включил.

– Угу... Так-так-так, а на палубе с вами кто-то был?

– Нет.

– Угу, кажется, я читаю в ваших глазах вопрос. – Бочёнкин поднял в ожидании брови. – Куда мог деться убийца, так?

– Да!

– Предположения есть?

Закачал головой.

– Давайте попробуем вместе. Для начала – теоретически – исключим вас из подозреваемых.

Бочёнкин нервно сглотнул.

– А я подозреваемый?

– Ну ко-неч-но. Но сейчас давайте уберём вас из подозреваемых. Вы согласны? – Кивнул. – А то если это и правда вы, то это совсем как-то скучно получается, согласитесь. – Кивнул. – Значит давайте думать вместе, – снимая перчатки. – Во-первых, судя по этой картине, вы явно застали убийцу врасплох, т. к. он даже не успел симитировать самоубийство и просто бросил пистолет рядом с этой культёй. Хотя, даже если бы и симитировал и положил пистолет рядом с левой, навряд ли убитый выстрелил бы себе в правую часть головы левой рукой. Согласны? – Кивнул. – Давайте попробуем понять, куда мог исчезнуть убийца. Давайте представим: вы в коридоре, убийца здесь... а когда вы сюда зашли, здесь его уже нет... в коридор он тоже убежать никак не мог... Предположения?

Бочёнкин всюду напрягал мозги и рыскал везде глазами, пока не уловил мой намекающий на окно взгляд.

– Окно!

Мы подошли к нему. Стул с вещами стоял почти прямо под ним, в полуметре от стены. Окно было закрыто.

– Окно! – снова удивлённо.

– Когда вы сюда зашли, оно было закрыто?

– Нет, это я его закрыл.

– А зачем?

– Чтобы и муха сюда не залетела и-и не разворочала тут

всё.

– Какой вы молодец. А отпечатки?

– Что?

– Вы прикасались к окну в перчатках?

Виновато повёл головой в стороны.

– Ладно, не берите в голову. Ну, так что мы видим? Открыть его можно только изнутри, так?

– Так.

– А до убийства, когда вы были на палубе, оно было открыто? – Пожал плечами. – Не видели?.. Ладно, тогда давайте откроем его... То есть вы предполагаете, что убийца, пока вы стучались в дверь, вылез через него, так?.. – С задержкой снова задействовал плечи и закивал. – А не узковато? – Задумчиво склонил голову набок. – Мне кажется, в такое окошко взрослый человек не пролезет, уж плечи его точно.

Бочёнкин чуть постоял задумчиво, пока его не осенило:

– У нас здесь есть ребёнок! Мальчик! Лет шесть ему!

– Угу!.. А здесь всё как будто Агата Кристи устроила, не находите?

– О! Да, точно! «Смерть на Ниле» и...

– Да, да, а какого роста этот мальчик?

– Да шмакодявка. Вот такой где-то, – показывая себе по пупок.

– Угу. А мне похуй. – Когда Бочёнкин понял суть, его рот широко раскрылся в восторге. – Ну, если он такой, то не кажется вам, что окно будет для него высоковато?

Опять скосил голову набок. Но вскоре из неё послышался довольный смешок, типа «хе-хе, меня не проведёшь».

– Стул!

– Я вообще не понимаю, зачем я здесь нужен, если здесь есть вы!

В довольстве собой поиграл бровями и полосочкой усов. Бочёнкин восхищался собой, пока я не обратил его внимание на брюки.

– А почему они не помяты?

Бочёнкин, широко раскрыв рот и глаза, ловил в воздухе невидимые подсказки, а после выдавил:

– Не знаю, – и поверженно опустил голову.

– Значит, не мальчик?

Отрицательный жест головой.

– А может, у него такие длинные руки, что он смог достать до окна и без стула?

Надежда и снова досада.

– А может, на теплоходе есть взрослые с маленькими плечами?.. Девушки?

– Есть! Одна!

– Кто?

– Невеста одного из пассажиров... худенькая такая и-и вот посюда, – показывая под подбородок.

– Ага. И всё?

– Э... ну и старушка есть. Примерно такая же.

– Ну, старушка – это навряд ли. Но и её не будем ис-

ключать. А давайте сейчас попробуем допустить, что убийца не воспользовался окном. – Брови Бочёнкина спрятались за чуб. – Предположения? – Бочёнкин бегал глазами из угла в угол. – Может, шкаф? – Бочёнкин с воодушевлением принялся искать шкаф, но вместо него обнаружил лишь перекладину с вешалками. – Халат?

Подошли к халату. Я снял его с перекладины. Бочёнкин потрогал хиленькое плечико из проволоки и досадно повёл головой.

– Неужели больше нигде?

Ещё раз осмотрел каюту – и снова нет.

– Ну а если там? – кивнув в сторону убитого.

Бочёнкин напруг брови. Мне это надоело.

– А кровать, как думаете, не может быть?

Мы подошли к ней.

– Вы думаете, я не заметил бы, если бы кто-то лежал под одеялом?

Я устало вздохнул.

– А под ней не может быть?

Брови достигли орбиты.

– Быть такого не может!

Мы опустились на корточки. Клиренс кровати составлял 30 см. Одеяло свисало с края совсем чуть-чуть, практически не перекрывая вид под кроватью. Ноги Шифера были опущены на пол у изножья кровати.

– И он был здесь?! Когда я был здесь?!

– Ну это пока только теория. Но – наиболее вероятно, что так. Согласитесь, взрослому человеку здесь уместиться не проблема. – Мы поднялись, Бочёнкин, ошарашенный, последовал за мной. – В таком случае возникают вопросы: ждал ли убийца Шифера заранее под кроватью или вошёл через дверь, когда он был уже здесь? И пистолет. Стащил ли он его раньше или... отобрал прямо здесь и застрелил? И ещё вопрос: в какой момент он выбрался из-под кровати и выбежал из каюты?.. Что вы сделали, когда зашли сюда?

– Я? Я-я выбежал в коридор и стал кричать.

– Что?

– Что?

– Что кричать?

– ...А!

– А-а!

– А-А!

– Ну ладно, тише. А сколько времени вы кричали? Куда вы смотрели? Где вы именно были, стояли?

– Э-э, секунд десять, наверное, не больше. А смотрел... смотрел туда, в сторону столовой.

– А стояли?

– Стоя-я-ял у следующей двери.

– Соседней каюты?

– Да.

– Угу, если всё так, как вы говорите, значит, убийца за эти десять секунд вполне мог убежать на палубу... Кого вы

видели? Кто выбежал на ваш крик?

– Ну-у, я просто услышал, что меня слышали – шаги, – и вернулся сюда.

– Кто к вам сюда зашёл?

– Зашли? Зашли-и Ручкин и Пузо. Николаев сзади выглядывал. Но я сразу понял, что им делать здесь нечего и вы проводил отсюда. А в коридоре за это время уже все были. Кроме капитана.

– Вот как?

– Угу, но вы не обращайтесь на это внимания. Я вам руку на отсечение готов дать, что это не он.

– Вот как?

– Угу, если честно, – переходя на шёпот, – никто из нас его в лицо никогда не видел.

– Вот как?

– Угу. Очень странный. Из рубки никогда не выходит.

– Вот как? А еда?

Пожал плечами.

– Пузо вначале оставлял ему еду у двери. Но капитан её никогда не трогал. И после этого перестал ему готовить. И-и даже не знаю, может, ночью рыбачит, пока мы спим.

– Вот как? А туалет?

– Наверное, тоже ночью. Угу. Ночью ловит рыбу, а потом её сырую ест, угу, и в туалет в море ходит. Угу. И купается там же.

– Вот как? Можно я вас спрошу?.. Он нас сейчас слышит?

Поглядев по сторонам:

– Не-а.

– А тогда почему мы шёпотом разговариваем?

– Ой, хы, – засмеявшись и повысив голос, – простите, просто, (шёпотом) он очень странный.

– Значит, – смело и громко, – вы не можете сказать, кто откуда появился в коридоре после того, как вы закричали?

– Нет. Простите.

– Ничего-ничего. Может, другие были повнимательнее в тот момент. А палубу, как я понимаю, вы всю не обошли, и там кроме вас кто-то мог быть?

– Наверное, да. Не обошёл. Всю.

– Ну тогда, – осматриваясь, – первый этап, я думаю, выполнен, и на очереди второй – опрос подозреваемых. Но – это мы сделаем завтра. Утро вечера мудренее. Да, и как вы думаете, – взяв чемодан, – стоит ли искать пороховые следы у подозреваемых спустя уже день после убийства или нет? Как думаете? – Бочёнкин задумался. – Я почему-то думаю, что нет.

– Почему?

– Ну, это мы, давайте, обсудим утром. Я думаю, всё, что можно было сделать сейчас, мы сделали. А вы как считаете? – Пожал плечами. – Ну тогда пойдёмте?

Бочёнкин кивнул, и мы вышли из каюты. Дверь Шифера он запер на ключ.

– Да, и напоследок: не отдадите мне ключи от каюты?

– Зачем?

– Ну вы же всё-таки тоже подозреваемый.

Бочёнкин вынужден был согласиться со мной и отдать ключи, после чего мы дошли до двери моей каюты под номером 5. Я спросил у Бочёнкина, где его каюта, он указал на номер 8, что напротив моей и правее от неё, рядом с туалетом и столовой. (Чётные номера здесь были на одной стороне, нечётные – на другой. Располагались они в порядке возрастания от выхода на палубу до столовой.) Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

II

Визвам – На теплоходе есть кто-то ещё – Завтрак и допросы – Осмотр палубы – Капитан – Суворов и концерт – Чудная ночь

Мы сидели друг напротив друга в позе лотоса. Нас разделял горящий очаг. Дым уходил на улицу через проделанное вверху жилища отверстие. Ноги наши были укутаны в шкуры животных. Лицо учителя было размалёвано, как у индейца. Я долго сидел, взирая на его разрисованные закрытые веки.

– Учитель?.. Учитель?

Он нехотя открыл глаза. Его распушенные седые волосы доставали до плеч.

– Кто это сделал?.. Мне нужен ответ.

Губы слегка улыбнулись. Он беззвучно произнёс:

– Сынок.

– Кто это сделал?.. Почему?

Мои руки, до этого покоившиеся на коленях, резко опустились на землю и с силой упёрлись в неё, не давая мне опрокинуться. Всё сотрясалось. Раздавался оглушительный грохот. Непокколебимый учитель спокойно сидел в позе лотоса и улыбался.

– Кто? – крикнул я, борясь с землетрясением.

С его губ слетело:

– Сынок... Андрей Арсеньевич? Андрей Арсеньевич, вы спите? Проснитесь! Это я – Анатолий Викторович!

Я открыл глаза. В дверь стучали, из-за неё доносился громкий шёпот Бочёнкина.

– Андрей Арсеньевич, проснитесь! Это срочно!

– Сейчас!

В окне обозначилось раннее утро. На часах полседьмого. Надел брюки, рубаху, пиджак. Подошёл к двери. Вспомнив, что «срочно», повернул назад, к чемодану, чтобы достать оттуда ствол, спросонья забыл, что он под подушкой, в итоге достал из чемодана яйцерезку и засунул её под ремень.

– Что случилось?

– ЧП. Кажется, убийца, может быть, не из пассажиров...

и попал сюда без билета.

Я нахмурил брови.

– А как?

– Пойдёмте за мной. Только тихо, пока ещё все в каютах. Бочёнкин очень сильно волновался. Что же произошло?

Мы покинули коридор и достигли задней части палубы.

– Вот, – сказал Бочёнкин, указывая на лежащий на полу у самого бортика водолазный костюм, очки и ласты. – Я подозреваю, что сейчас на теплоходе прячется убийца. – Я недоумевал. – Мы должны его найти.

– Скажите, Анатолий Викторович, у вас когда-нибудь случались провалы в памяти?

– Э-э, не помню.

– Хм, а тогда ответьте мне на вопрос: как по-вашему я оказался здесь, ммм?

Бочёнкин долго соображал.

– Вы сюда приплыли? В этом?! – указывая на водолазный костюм. – И с чемоданом?!

– Да, друг мой, да. Серьёзные, я скажу, у вас проблемы с памятью, если вы об этом забыли.

– Честно, сам в шоке, – глупо уставясь на меня. – Может, это из-за убийства? Стресс и всё такое?

– Вполне, друг мой, вполне. А теперь, если вы не против, – приобняв за плечо и ведя за собой, – можно я ещё чутка вздремну? Во сколько у вас обычно завтракают?

– В восемь.

– Вот и отлично. Тогда разбудите меня в восемь, хорошо? В столовой, как я понимаю, будут все?.. Вот и хорошо, там и познакомимся со всеми... Спокойной ночи, – сказал я, похлопав Бочёнкина по плечу, и, зевая, захлопнул за собой дверь.

Бочёнкин своим ЧП напрочь спугнул мой сон. В итоге полчаса без пользы пролежал в кровати. Оставшееся время до завтрака всё-таки решил уделить расследованию. Достал из чемодана таблетки, найденные у Шифера. Пошарил в интернете – узнал, что это противогаллюциногенное. Интересно. В голове зароились вопросы. Азарт к делу лишил меня всякого терпения, и, не дожидаясь Бочёнкина, я самовольно отправился в столовую. Но для начала как культурный человек зашёл в туалет, чтобы помыть руки и сделать пысь-пысь. Унитаз, раковина, кафель – всё было как в пятизвёздочном отеле. Только вот кому в голову пришла идея сделать окно над раковиной? Ух, ё! – когда подошёл к окну, оттуда на меня взглянул какой-то урод. А, не, это всего лишь зеркало. Пригляделся получше. Да не, не урод. Просто усталость и недосып. Надо привести себя в порядок. Сначала помыть руки. Воспользовался жидким мылом, что в бидоне с дозатором. Ух, жиденько, и прыскает как... хе-хе, как он самый. Ух, а оно щиплет – щиплет! Но дело своё знает: кожа стала как у Белоснежки. Теперь лицо. Да не, щипать ведь будет. Или не будет? Попробовал. Ай, всё же щиплет. Думал, не будет. Посмотрел на себя. Н-да, перед такой рожей ни один

гном не устоит. Теперь пысь-пысь. Ого, вот это унитаз. В таком не стыдно и малыша крестить. О, а вот и малыш. Окрестили. Ну а теперь можно и поесть.

Было 7:45, когда я вошёл через двойные двери в столовую и сел за столик у самого входа. В столовой было ещё семь таких же маленьких столиков. Напротив входа высилась сцена со стулом и стойкой для микрофона. Край сцены был занят помещением с дверью. Через её прозрачное стекло проглядывалась кухня с полками и висящей на стене утварью. По левой стене столовой находилась ещё одна дверь, ведущая прямо на палубу.

Я появился здесь не первым. Один столик был занят маленькой худенькой старушкой, о которой, похоже, и упоминал Бочёнкин. С виду и не подумаешь, что такая сиганёт в окно. Она не спеша кушала свой хлеб с маслом и запивала его – предположительно – чаем. Она меня, конечно же, заметила и, по взгляду я понял, догадалась, кто я такой. Но, казалось, это её не сильно беспокоило.

Из коридора выбило двери, и оттуда выскочил в меру пухлый, но очень щекастый мальчик лет 6–7 и сходу оседлал стул за одним из столиков. За мальчиком важной поступью следовала высоченная крупная женщина лет 40. Волосы на её макушке были стянуты в самый тугий в мире кокон. Женщина присоединилась к мальчику. Через минуту в дверях появился Бочёнкин.

– А, вы тут, – произнёс он с облегчением, присаживаясь

ко мне. – А я там к вам стучал, стучал, – улыбаясь, – а у вас ни звука, попробовал дверь, а она заперта. Ну, и понял, что вы здесь, наверное.

– Кажется, здесь не все? – кивая на пустые столики.

– Да, не хватает молодожёнов и военного.

– Расскажите о них, – снова кивая перед собой.

– Ну, это вот Прекрасные, мать и сын. Её зовут Серафима, а его Никита, кажется. Наглый ребёнок я вам так скажу. Бегает всюду, двери только ногой от...

– А она?

– Она? Да точно такая же. Вся в сына. Такая же наглая и постоянно чем-то недовольна...

– Официант! – крикнула Серафима в сторону кухни. Оттуда выскочил высокий молодой человек лет 27 и с натянутой улыбкой принялся выслушивать заказ.

– Это один из служащих?

– Да, я вам про него рассказывал – Ручкин Глеб Глебович. Певец, зазывала, официант, и уборщиком может быть.

– Угу. А он без дела не сидит, как я вижу.

– Да... неплохой парень. А уж певец так вообще.

– А она? – кивая на попивающую чай? старушку.

– Ну, тихая такая... Даже не знаю, что ещё сказать... Троянская – фамилия.

В этот момент в столовую под ручку явилась молодая пара. Когда они уселись за столик, официант Ручкин, возвращаясь от Прекрасных, подошёл к ним. Они решили обойтись

только кофе. Я выжидающе поглядел на Бочёнкина.

– У них, как я понимаю, медовый месяц. Друг от дружки не отходят... Что сказать... воспитанные, наверное... утром здороваются.

– Но не сейчас.

Бочёнкин пожал плечами.

Молодожёны тоже не питали иллюзий по поводу меня. Они пару раз бросили на меня осторожный взгляд и тут же спрятали. Жениху было не больше 25, брюнет, на лице выделялась излишняя бледность. Невесте около 20. На вид милая, миниатюрная девушка с длинными прямыми каштановыми волосами. Кожа её была на чуточку оттенков живее. На щеке красовалась родинка.

– Вы не назвали их.

– Ивановы. Э, его вроде, как я слышал, когда она его звала, зовут Денис, а он её Анютой зовёт.

– Аня, значит... Военного что-то не видать, – оглядываясь вокруг. Бочёнкин на это задействовал плечи. – Ладно, расскажите пока мне, кто в какой каюте живёт?

– Они (Ивановы) во 2-й.

– Угу, напротив Шифера.

– Да.

– Угу.

– Они (Прекрасные) в 6-й.

– Напротив меня.

– Да, старушка в 3-й, соседка убитого.

– Угу, а военный?

– Военный в 4-й, напротив неё.

– А вы в 8-й.

– А вы в 5-й.

– А в 7-й кто живёт? Всю ночь мне спать не давали. У кого там праздник был?

– Там живут Ручкин, Николаев и Пузо.

– И всё?

– Да, а что?

– Ничего.

– 7-ю каюту мы всегда держим для персонала.

– А капитан, как я понимаю, целые сутки у себя в рубке живёт, да?

– Да, да, это его личная каюта.

– У вас ведь тоже личная каюта выходит.

– Ну да... просто мне необходима тишина.

– Понимаю-понимаю. А не тесно им втроём?

– А что делать? Пузо, конечно, иногда может здесь переночевать или в кухне, или в трюме.

– А что у вас в трюме?

– Склад: еда, инструменты.

– Угу.

– Так как билетов было продано на шесть кают, Ручкин до убийства жил в вашей. Но из-за вас ему пришлось съехать.

В этот момент из кухни, держа в согнутой вверх руке поднос, вышел Ручкин и двинулся в нашу сторону.

– Ты куда? – спросил Бочёнкин, когда тот вознамерился выйти с подносом в коридор.

– Суворову, – ответил Ручкин, остановившись у выхода. Бочёнкин недоумённо уставился на него. – Долг, – сказал Ручкин и исчез.

– Нам поесть принеси! – крикнул ему вдогонку Бочёнкин.

– Военный, значит, сегодня к нам не придёт?

– Получается.

– Это что, тоже за деньги – принести завтрак в каюту?

– Наверное.

– Долг... хм, – сказал я себе, призадумавшись.

– Вечером вы его точно увидите, это я вам обещаю. Вечером у нас концерт, а уж его он точно не пропустит. Все два прошлых раза сидел прямо перед сценой. А хлопал даже громче, чем Пузо!

– Ну вечером так вечером... Знаете, Анатолий Викторович, мне в моём расследовании очень помогает рассуждение вслух и желательно с кем-нибудь... Если это вас не затруднит, не согласитесь ли вы, Анатолий Викторович, стать моим помощником?

– Я?

– Да.

– О, конечно, я буду рад.

– Вы к тому же служитель порядка. И знаете, наверное, как ведутся расследования. – Бочёнкин тупо глядел на меня. – Случались ли в вашей работе ещё какие-нибудь ЧП?

– Да-да, ой, нет, не доводилось. Бог миловал.

– Ну по крайней мере вы знаете, что нужно делать в теории. – Снова тупой взгляд. – Ладно, значит, вы не против вести это дело со мной?

– Да, конечно.

– Но вы всё равно являетесь подозреваемым, не забывайте. – Бочёнкин запоздало с пониманием кивнул. – Тогда давайте начнём. Вы говорили, что не видели, кто откуда прибежал на ваш крик, правильно?.. И ещё вы сказали, что когда кричали, то добежали до следующей каюты... В таком случае у убийцы была возможность вылезти из-под кровати и убежать на палубу, но также остаётся маловероятная, но всё же версия с окном... Но есть и ещё кое-что: а если допустить, что убийца скрылся не на палубу?

– А куда?

– Давайте теоретически порассуждаем: во-первых, вы ведь были в шоке, когда увидели труп?.. Вы стали кричать и стояли у следующей двери спиной к двери убитого... как вы сказали, длилось это секунд десять... А если предположить, что убийца, пока вы стояли к нему спиной, убежал не на палубу, а-а... в каюту... ту, что напротив.

– Ивановы?!

Ивановы услышали это. К несчастью для Дениски, он именно в эту секунду отпивал из чашки кофе, отчего слегка поперхнулся им.

– Как думаете, могли вы это не заметить? – сказал я, по-

низив тональность голоса.

– Даже не знаю... если в теории... думаю, можно, но... просто... даже как-то не знаю.

– А вы точно дошли только до следующей каюты, а не дальше?

– Нет. Это точно. Я стоял прямо между 3-й и 4-й каютами.

– Между Троянской и Суворовым?

– Да. Но в полдевятого Суворов был в столовой.

– Да, кстати, а убийца мог выйти на ваш крик не только с палубы, но и из столовой. – Бочёнкин задумался. – Вот же дверь, – сказал я, указав глазами на дверь по левой стене столовой, ведущую прямо на палубу. – Вы почему о ней не упомянули?

– Ух ты. Да, совсем забыл.

– Нужно будет узнать у тех, кто был здесь во время убийства, не зашёл ли кто-то к ним сюда через эту дверь. Кто был на концерте, не напомниме?

– Суворов и наши: Ручкин, Николаев и Пузо.

– И вы. Перед тем как ушли.

– И я.

– Если никто кроме этих четверых на ваш крик из столовой не вышел, значит, этот вариант отмечаем... Да, и скажите вот ещё что: вы сказали, что выпроводили всех собравшихся, когда они столпились у каюты Шифера?.. А что вы потом сделали?

– Закрыв каюту на ключ.

– А вы не осматривали, например, палубу после этого? Не выходили туда?

– Когда все разошлись по своим каютам, да, я выходил на палубу.

– И ничего там необычного не обнаружили?

Бочёнкин отрицательно и непонимающе закачал головой. Затем в наш разговор вмешался некто Завтрак.

Мы молчали, когда Ручкин раскладывал на нашем столе еду. Всё это время мальчик Никита раздражал меня тем, что долбил ногами по ножке столика.

– А почему вы сказали, что не нужно искать пороховые следы? – спросил Бочёнкин, жуя завтрак.

– Ну, по мне, так просто поздно. Да и к тому же я воспользовался утром вашим мылом в туалете, так оно весь мой эпидермис нахуй снесло. Так что искать, я думаю, бесполезно. И кроме того, я почему-то считаю этот метод поимки преступника каким-то нечестным что ли. Я к отпечаткам пальцев и то со временем кое-как привык, а к этому до сих пор что-то не могу.

– Но ведь не все, я думаю, в курсе этих пороховых следов, и, может, кто-то не избавился от них. Я, если честно, до вчерашнего об этом и не знал.

– Ещё одна причина, почему я так думаю, – это то, что убийство было заранее запланировано.

– Вот как?

– Да. Ведь как тогда вы объясните то, что убийца был в

перчатках.

Бочёнкин был поражён.

– Но ведь в каюте убитого не было никаких перчаток!

– Это элементарно, Анатолий Викторович. Ну подумайте сами, разве успел бы убийца за те секунды, что вы стучали в дверь, так тщательно стереть отпечатки пальцев с пистолета? Да, кстати, там нет также и отпечатков пальцев Шифера. Из-за чего напрашивается вывод, что убийца заранее похитил пистолет без перчаток, а потом его старательно почистил. Ведь зачем ему в таком случае нужно было стирать и отпечатки Шифера. Про то, что убийца не успел сымитировать самоубийство, я вам уже говорил. Я подозреваю, что убийца в панике бросил пистолет на кровать и спрятался под неё... Из-за перчаток, я считаю, и не имеет смысла искать отпечатки на окне. К тому же вы его уже всё облапали... Не знаю, как убийца планировал покинуть каюту Шифера, понимая, что выстрел все услышат и сбегутся, но, по крайней мере, он точно не предполагал, что вы окажетесь в этот момент прямо перед дверью.

Бочёнкин был поражён.

– Да-а, Андрей Арсеньевич, про перчатки – это вы очень ловко... А если обыскать все каюты в поисках перчаток, а? Как вам идея?

– Убийца запросто мог выкинуть их море.

– А, да... но про перчатки – это вы очень ловко.

– Так как убийство было заранее запланировано, без мо-

тива, я думаю, не обошлось. Как считаете?

– Э, думаю, да... А почему?

– Ну ведь зачем планировать убийство без мотива. Если, конечно, убийца не маньяк и не получает от этого удовольствие.

– Да, да, вы правы.

– Да... – задумчиво, – ну а нам теперь остаётся самое простое – найти убийцу из присутствующих... Ага, вот и Пузо?

Маленький пузатый человек весь в белом и с колпаком на голове вышел из кухни и направился в третью дверь, на палубу.

– Куда это он?

– Я думаю, в туалет.

– Так он прямо здесь, за дверями.

– Мы иногда ходим по-маленькому в море, – стыдливо признался Бочёнкин.

– А в вечер убийства вы не за тем же, случайно, выходили на палубу? – Бочёнкин сконфузился. – Но вы же говорили, что вышли через коридор.

– Я-я... просто всегда так хожу. Осмотр порядка и всё такое.

– Да не волнуйтесь вы. Я же не собираюсь прямо сейчас надевать на вас наручники. К тому же какой в этом интерес, если это действительно вы убийца. Просто зашли и убили? А где загадка, мотив?... У вас есть мотив? – Бочёнкин рьяно замотал головой. – В детективе, как правило, раскрытие

убийства должно удивлять.

– Да, да, вы правы, я как раз об этом ночью и думал. Вы же сами сказали, что здесь как будто всё Агата Кристи устроила. Может, тогда искать ответы из неё?

– Вы что имеете в виду?

– Ну смотрите сами: убийство на корабле... это прямо как в «Смерть на Ниле»! Вы читали?

– Нет.

– Смотрели?

– Нет. Понятия не имею о чём там.

– А, ну ладно. Но тогда помните, вы упомянули мальчишку? И это тоже из Агаты Кристи!

– Эту я читал.

– Догадались?

– Да. Даже не то что догадался, а на 100 % был уверен в этом и как всё это обнаружится. Так что меня это совсем не удивило.

– Да?.. А я вот не догадался.

– Я не хочу вас расстраивать, Анатолий Викторович, но в моём расследовании парадом руковожу я, а не какие-то там всякие Кристи-Хуисти. В моём расследовании только факты. Хотите узнать, кого я уже исключил из подозреваемых?

– Кого?

– Ну это только в том случае, если вы не действовали с ним заодно и ваша история не выдумана... Я говорю про Пузо.

– Почему?

– Взгляните на него. – Он как раз возвращался назад, отирая руки о поварской китель. – У него пузо не меньше вашего. А с таким пузом под кровать не залезешь. А в окно тем более.

– Да? Ммм... – сказал Бочёнкин и о чём-то задумался, после чего засиял: – В таком случае я тоже не могу быть убийцей, потому что под кровать я тоже бы не залез. Моё пузо дальше больше, чем у Пузо. В этом даже не сомневайтесь, хе-хе, – произнёс он и стукнул по своему барабану.

– А зачем вам, мой друг, прятаться под кровать? Ммм? От самого себя?

Бочёнкин чуть пораскинул мозгами и расстроено выдохнул.

– К тому же нам с вами нельзя забывать одну важную деталь – Nedotroga. Убийца явно не был слабаком.

– А если это сделали двое?

– Двое? Нажали на спусковой крючок? Хм... Хотя... всё может быть. Вот они, – указывая на Ивановых, – не похоже, чтобы они славились силушкой богатырской. – Мы наблюдали, как Ивановы с большим трудом подносили к губам чашки. Они даже помогали друг другу, поддерживая чашку своей половинки исподнизу. – Но всё-таки это маловероятно, т. к. под кроватью, чтобы не было видно, мог уместиться только один человек. Как вы считаете? Одеяло, как я видел, с кровати практически не свисало.

– Думаю, да... Да, а не могло быть так, что после убийства Иванов спрятался под кровать, а его невеста вылезла в окно?

– Хм, а вы неплохо соображаете. Я об этом даже не подумал... Но всё-таки как-то странно всё это выглядит. Поглядите на неё, разве может такой ангелочек вылететь в окно?

Бочёнкин выражением лица показал, что не исключает этого.

– Ладно, никого не будем недооценивать. Давайте лучше внимательно понаблюдаем за ними, – кивая на едоков, – а особенно за силой их пальцев.

Старушка Троянская уже давно прикончила свой завтрак и сидела, занимаясь вязанием. УГУ! – вы не поверите, но прямо на наших глазах у Троянской погнулась спица, и она буквально двумя пальцами – не дрогнул ни один мускул на её морщинистом лице – выпрямила её! Далее внимание переключаем на Ивановых. Они, к сожалению или к счастью, не продемонстрировали – а может скрыли? – силу своих пальцев. Они вдвоём держали одну и ту же вилку и кормили друг друга поочерёдно намотанными на неё спагетти. Прекрасные. Ну, у Серафимы бицухи были явно не из теста. УГУ! – прямо в этот момент Никита перенёс свой вес на одну ягодицу и засунул сзади в штаны руку. Он сидел так, по-пизански, пока не вытащил руку с – внимание! – какашкой на указательном пальце! Никита смотрел на пальчик и вожаделённо причмокивал. Его мать видела всё это, но не придавала значения. Она, уставившись перед собой и уперев локти в стол,

жевала бутерброд из целого батона. Вскоре Никита окунул свой пальчик в рот и начал растирать какашку языком о нёбо, как шоколадку. Потом он остатками на пальце нарисовал у себя над верхней губой усы.

– По-моему, это он вам, – сказал я Бочёнкину, обратив его внимание на усатого Никиту, болтыхающего своё невидимое, но очень большое пузо.

– Какой ужас. Куда только мать глядит, – тихо прошептала Аннушка своему Дениске, за что сразу поплатилась.

Серафима Прекрасная не глухая, мадам. Она всё слышит. Скривив брови, сжав челюсти, поднявшись из-за стола и вытирая ладони о свои коровьи бёдра, она двинулась к молодой чете и – УГУ! – одной рукой! – нет, лишь тремя пальцами! – ухватила Аннушку за вырез платья и подняла её вверх, так что Анечкиным ножкам оставалось только дрыгать в воздухе.

– Прекратите! – крикнул Дениска и тут же присоединился к невесте. Бледные Ивановские лица разглядывали прекрасные Серафимские ручки, Дениска – левую, Аннушка – правую, а их ноги отплясывали глухой степ.

– Прекратите!.. Вы!.. Женщина! – кричал Бочёнкин в спину Серафимы, дёргая её за плечо.

Весь персонал – работяга Ручкин, повар Пузо и музыкант Николаев (я догадался, кто он, по висящей за спиной гитаре) – стоял в проёме кухни и глядел на эту сцену. Троянская, отложив вязание и открыв рот, повторяла за ними. Никита,

смеясь и смакуя кашку, повторял за ними. Андрей Арсеньев, к его стыду, тоже повторял за ними. Один лишь отважный Бочёнкин, запрыгнув сзади на высокую Серафиму и обхватив её за шею, висел на ней в попытке её обезвредить. Только когда до меня донёсся его натуженный – не в первый раз просящий о помощи – голос, у меня хватило совести и смелости вступить за унижённых и оскорблённых.

– Андрей Арсеньев. Детектив, – сказал я, стоя перед Атлантом и уткнув в его морду удостоверение.

Небеса пали. Бочёнкин на задницу, Ивановы тоже. Только Анатолий Викторович на пол, а молодожёны на стулья. Упав, Дениска и Аннушка тут же принялись искать друг друга руками и, завершив поиски, крепко взялись в объятия. Напуганные, глубоко дыша, они смотрели вверх на Серафиму, со страхом думая, конец это или только передышка.

– У меня к вам есть несколько вопросов. Пройдёмте, – сказал я, уводя Серафиму к её недоеденному бутерброду и сыну. Бритый Никита встретил меня улыбкой, продолжая в то же время работать языком по внутренним сторонам щёк, нёбу и зубам.

– Тебя Никита зовут?

Никита, ухмыляясь и оперев руки в сиденье стула, молча дрыгал ногами, пока не получил от матери подзатыльник.

– Отвечай, когда тебя спрашивают.

– Да, – с обиженным и вредным выражением лица.

– А вас Серафима?.. Серафима... – выуживал я отчество

у Никитиной матери, пока та проводила пальцами по своей натянутой копне волос и игриво двигала губами и бровями. Моё внимание в этот момент не ускользнуло от её позолоченного безымянного пальца, как и её от моего голого.

– Для вас просто Сима. – Её рука двинулась к моей, которую я тут же отдернул, после чего повернул голову на уже сидящего за нашим столиком Бочёнкина, прося его глазами о помощи. Он всё понял, но ещё раз связываться с Серафимой не рискнул и быстро опустил голову в тарелку. Я решил контратаковать:

– Это вы убили Шифера?

Она подобрала руку к себе и присмирела.

– Зачем мне это? И разве способна я, молодая, красивая... нежная... – Её ладонь снова потянулась ко мне.

Я вскочил со стула и, указывая на её руку, выпалил:

– Прекратите это! Вы что себе позволяете! Я – детектив!.. мать вашу!.. Если вы это не прекратите, то... то... – Я потянулся рукой к спине, за пояс, но там до сих пор находилась яйцерезка. Сжимая её там же, за ремнём, я нагнулся над столом и зловещим тоном проговорил: – А то пожалеете.

Угроза сработала, и теперь в мою сторону от Серафимы шла лишь одна неприязнь. От мальчика тоже.

– Ну так что же, это вы? – присаживаясь на стул.

– Нет, – сквозь зубы. – И с чего бы это?

– Ну не знаю. На этом теплоходе все являются подозреваемыми, даже ты! – резко мальчику, он от этого даже повесе-

дел. – Вот что ты делал позавчера в 20:30 вечера, а?

Никита поглядел на маму, глазами спрашивая её разрешения на ответ.

– Ммм?

– Был в каюте. С мамой.

– С мамой? А подтвердить это кто-то сможет? Кроме (пауза) ма-мы?

Никита подумал, пожал плечами и весело:

– Не-а, – после чего вновь задрогал ножками.

– Ну а вы, (пауза) Си-ма? Что вы делали позавчера в 20:30 вечера, (пауза) а?

В этот момент, делая паузы и выговаривая по-рыбьи, широко открыв рот, слова, типа «мамы» и «Сима», я лишь чудом, как понимаю сейчас, не получил леща.

– Если это вас так интересует, – насупившись и наклонясь ко мне, – то в тот вечер с семи до... до того, как из-за этого толстяка, – на Бочёнкина, – все начали собираться в коридоре, я продрыхла, не открыв и глазу. Вас этот ответ устраивает, (пауза) а?

Мне стало как-то не по себе от её манёвра. Она это уловила и добавила:

– А, (пауза) Дрю-ня?

Мне стало страшно. Я быстро повернулся к Никите, когда он выкрикнул:

– Дрюнчестер!

Меня так ещё никогда не унижали. Глубоко дыша, я пулей вылетел из-за стола и забегал глазами по столовой в поисках того, кто меня утешит: Бочёнкин – он сам от неё настрадался, Ивановы – тоже... Троянская! Бабушка. Бабулечка. Под мерзкий прекрасный гогот мальчишки и его матери, который она процеживала сквозь сложенные в уголке рта зубы, я двинулся к Троянской. Она уже не вязала. Все понимали, для чего я здесь и что всем им рано или поздно придётся отвечать на мои вопросы. Ивановы тоже сидели без дела перед

стоящим на столе графином, ожидая своей очереди.

Как камень с чьих-либо плеч, я свалился на стул перед Троянской и свободно выдохнул.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Вы ведь знаете, кто я и зачем здесь?

Кивнула.

– Зовите меня просто детектив. А мне к вам как обращаться, сударыня?

– Марфа Васильевна я... Троянская.

– Чудесно! Очаровательно, Марфа Васильевна! – бодро приступая к допросу и придвинувшись ближе к столу. – Скажите, пожалуйста, Марфа Васильевна, для начала, что вы делаете на этом теплоходе?

– Плыву сына повидать, давно его не видела. Я каждый год к нему езжу. Раньше всегда поездом к нему добиралась, один раз даже вышло на самолёте, а сейчас вот в этом году решила по морю. Хет-трик, так сказать.

– Хм, любите футбол?

– Нет.

– Ладно, тогда-а, к чему нам эти околичности, Марфа Васильевна, давайте перейдём сразу к делу. Что вы делали позавчера в полдевятого вечера?

– Я была у себя в каюте.

– Подтвердить это кто-нибудь сможет?

– Нет, не думаю.

– А-а когда вы ушли к себе в каюту?

– Сразу после ужина, в семь.

– И всё это время были у себя?

– Да.

– А на ужине кто-то с вами ещё был?

– Да, все.

– Угу, и убитый?

– Да.

– А вы ушли раньше него?

– Кажется, мы ушли одновременно. И не только мы, но и они тоже, – кивнув вбок, на Ивановых. Поглядев на них краем глаза, я обнаружил, что они за нами наблюдали. – И те, что ушли, – говоря про ушедших прямо в этот момент из столовой Прекрасных.

– Угу. То есть вы и ещё пять человек вместе ушли после ужина, так? В семь?

– Да.

– Здесь что, запрещено находиться позже?

– Нет, мы сразу же ушли, когда на сцену вышли музыканты.

– А-а, вот в чём дело. Не любите музыку?

– Их – нет.

– Плохо поют?

– Просто не люблю пошлятину.

– А, ну получается, что не вы одни... Знаете, после ваших слов мне ещё больше захотелось увидеть их сегодняш-

ний концерт.

Я задумчиво застучал пальцами по столешнице.

– Что вы можете сказать об убитом? Вы с ним успели пообщаться?

– Два раза.

– Угу.

– В первый же день, за обедом он подошёл ко мне.

– Зачем?

– Он увидел, что я вяжу шарф, и спросил, болею ли я за «Динамо»? – Марфа Васильевна приподняла с колен недовязанный шарф с эмблемой футбольного клуба. – Я сказала, что нет, но он не отставал и продолжал говорить о футболе. Говорил он приятно, вежливо, так что мне пришлось поддержать беседу.

– Хм, любите футбол?

– Нет.

– А-а по поводу второго раза? Когда это было? И о чём?

– Это было во время ужина, в вечер убийства.

– Угу.

– Он опять подошёл ко мне.

– Вы ему понравились?

Троянская зарделась румянцем.

– Нет, он просто предложил мне поменяться каютами.

– Вот как?

– Да.

– И вы согласились?

– Да.

– А вы не интересовались у него, зачем ему это нужно было?

– Он сказал, что 1 – это его счастливая цифра.

– Хм.

– И к тому же эта каюта ближе к палубе. В первый день, он сказал, не стал мне это предлагать, потому что посчитал это не культурно.

– А почему он сразу не заселился в этот номер?

– Он купил билет после меня.

– А, ну да... А когда вы поменялись каютами?

– Сразу после ужина.

– Угу. И долго ли происходила эта замена?

Троянская улыбнулась.

– Десять минут, не больше. У меня с собой лишь один чемодан.

– Угу... очень любопытная информация... А как вы опишете Шифера со стороны?

– Я уже сказала: приятный и вежливый пожилой человек.

– Вы знали, что он богат?

– Да. Почти сразу же при отплытии пошли о нём разговоры.

– От кого?

– Да от всех. От пассажиров и от персонала. Просто слухи.

– Угу. А кроме вас убитый с кем-нибудь ещё общался?

– Нет, – задумавшись, – по-моему, нет. Не видела. Я во-

обще из каюты практически не выхожу.

– Угу... так-так-так, что ещё... Алиби, значит, у вас нет?..

Угу... Подозреваете кого-нибудь?

– Ничего не могу сказать.

– Ах да, ваша же каюта находится прямо за стенкой убитого. Скажите, вы ещё не спали тогда, в момент убийства?

– Нет.

– А вам, случайно, не довелось что-нибудь услышать тогда из каюты Шифера?

– Довелось.

– Угу!

– Перед выстрелом, почти сразу до него, я отчётливо услышала, как Шифер сказал «сынوك».

– УГУ! – услышав это, я краем глаза заметил, что удивился не только я, но и подслушивавшие Ивановы. Дениска, кажется, испугался, и лицо его стало бледнее задницы альбиноса. – Вы точно не ошиблись, что слышали именно это?

– Точно.

– И что голос принадлежал именно убитому?

– Да, точно. Стенки в этих каютах очень тонкие. Стенка перед штрафными и то надёжней будет.

– Хм, любите футбол?

– Нет.

– Угу... а что-нибудь ещё интересное вы не заметили, случайно? Какие-нибудь другие звуки из каюты?

– Нет.

– Угу... ну что ж, думаю, этого хватит. Спасибо вам большое, Марфа Васильевна, вы сообщили мне очень важную информацию. Уверен, она мне пригодится, – порываясь встать из-за стола, но не встал. – Ах да, и ещё один вопрос: вы ведь вышли в коридор после того, как охранник закричал?.. А вы, случайно, не обратили внимания, откуда выходили на этот же крик другие пассажиры? С палубы кто-то заходил?

– Я вышла не сразу. После выстрела я ещё какое-то время приходила в себя. Когда я вышла, все вроде уже были в коридоре.

– Угу, жаль. Ну ладно, ещё раз спасибо вам за помощь. Приятно было познакомиться. – Марфа Васильевна благодарственно кивнула.

Когда я поднялся из-за стола, Марфа Васильевна на прощание протянула мне руку и, судя по её положению, она была явно выставлена не для того, чтобы я её поцеловал. Я неловко протянул ладонь, и мы совершили крепкое рукопожатие.

– До свидания, – сказал я, смущённо сотрясая рукой, Марфа Васильевна, кстати, тоже.

Ивановы располагались через стол от Троянской.

– Разрешите?

– Да, пожалуйста, – сказала Анна, обнимая своего мужа. Одной рукой она поглаживала его, словно успокаивая. Он на мою просьбу ответил лишь кивком.

Первые секунды я просто сидел и разглядывал их.

– Медовый месяц?

– Да, – ответила Аннушка и поглядела на Дениску, после чего тот бодро подхватил:

– Да, да, медовый месяц. Вот отдыхаем, наслаждаемся друг другом.

– Но, к сожалению, отдых вышел не без омрачений, так?

– Да, да, – слегка подумав и помрачнев, – к сожалению, так.

– Давно вы знакомы?

– Два года, – ответила Аннушка, – а поженились месяц назад.

– А сколько вам лет, если не секрет? Выглядите вы очень молодо.

– Мне 20, Денису 24.

– Угу... – произнёс я и задумался. – Знаете, не люблю я эти околичности... Ммм... вы ведь знаете, зачем я здесь? – Кивнули. – И кто я. И я о вас уже кое-что знаю. – Занервничали. – Простите меня за вопрос, но... не обижайтесь, просто... можно узнать, у вас ведь медовый месяц – пора счастья и наслаждений, – но, ещё раз простите, я гляжу на вас и не могу сказать, что вы считаете так же. Вас так сильно по-

трясло убийство?

– Нет, конечно, – сказал Дениска, выйдя из ступора, – то есть да, – он постоянно поглядывал на супругу, – не подумайте, мы, конечно же, очень счастливая пара и любим друг друга... А то что, как вы говорите, глядя на нас этого не скажешь, то... убийство, конечно, потрясло нас и ещё то, что убийца сейчас здесь, на теплоходе, среди нас, но... просто... – Аннушка подвинула Дениске стакан с – предположительно – водой, Дениска подумал и всё-таки опустошил его. – Просто у нас, у меня... у нас, у меня, а, без разницы, можно сказать, случились семейные неприятности... ещё до этого. До убийства.

– Не могли бы вы сказать, какие именно это неприятности? В рамках этого дела я собираю каждый пустяк, и я бы не советовал вам что-либо скрывать от меня.

Молодожёны собирались с ответом, глядя друг другу в глаза.

– У меня есть бизнес, у нас, то есть у меня, а, без разницы. В общем, прямо в день отплытия я узнал, что дела с бизнесом очень плохи. – Дениска остановился и глубоко задышал. – Я – банкрот, – сказал он и уронил лицо на лежавшую на столе руку. Аннушка принялась успокаивать его, пока он не собрался с силами. – Да, банкрот. И я не знаю, как мне расплачиваться с долгами, – закончил он свой почти слезливый монолог.

– Вот, выпейте ещё, – сказал я, подвинув ему наполнен-

ный мною заново стакан (с водой ли?). Дениска сжал его в ладони и выпил, громко глотая.

– Вы меня подозреваете?

– Нет. Ну, то есть вообще-то я подозреваю каждого на этом теплоходе. А с чего вы вдруг об этом спросили?

– Ну, убитый был богат... а мне нужно оплачивать долги.

– А, вот вы о чём. Я бы на вашем месте не брал это в голову. Я – лучший детектив в мире, и я обязательно найду убийцу. Так что если вы не виновны, то просто успокойтесь, вам бояться нечего. Поверьте, я никогда не ошибаюсь... Вы ведь не виновны?

– Нет. Нет, конечно. Мы совершенно не виновны.

– Тогда не думайте об этом и просто... отвечайте правдиво на мои вопросы. Вот скажите, например, вам довелось пообщаться с убитым?

– Н-нет, то есть да. Так, мимоходом. За завтраком и на палубе один раз.

– А о чём вы говорили?

– Так, ни о чём. О погоде. О теплоходе.

– А убитый не сказал вам, что привело его на этот корабль?

Дениска задумчиво повёл головой.

– А-а во время этих разговоров вы не затрагивали состояние вашего бизнеса?

– Нет, – решительно заявил Дениска.

– Угу. Ладно, а тогда... с кем-то ещё убитый общался за

это время?

– Мимоходом, наверное, со всеми успел познакомиться.

– А не мимоходом?

– Э, вроде бы нет, не видел.

– Ладно, а тогда ответьте мне, что вы делали в момент убийства?

– Мы? Мы были у себя в каюте.

– Подтвердить это кто-нибудь сможет? Из посторонних?..

Угу. А вы ничего не слышали странного в то время? Из каюты напротив?

– Э-э, выстрел.

– Громкий?

– Д-да. Достаточно громкий.

– И ничего больше? Кроме выстрела?.. Угу... А до этого вы не заметили чего-нибудь странного в поведении убитого?.. А в поведении пассажиров?.. Угу... Вы ведь оба покинули столовую в тот день, в семь вечера?.. Вместе с убитым?

– Да, но не только мы одни.

– Значит, вы подтверждаете слова Троянской? – Дениска, стыдливо опустив взгляд, кивнул. – Угу. Что же ещё? А, да, вы ведь вышли в коридор после того, как охранник закричал?.. Тогда скажите, не заметили ли вы, чтобы кто-то из пассажиров или персонала появился в коридоре со стороны палубы?

– Э-э, нет, вроде бы не видел этого.

– Вы сразу же вышли, когда услышали выстрел?

– Можно сказать, да. Практически сразу.

– И не заметили, чтобы кто-то заходил с палубы?

– Нет. Даже несмотря на шок от выстрела и испуг, не думаю, чтобы я мог это проглядеть.

– А как вели себя остальные в это время? Может, слишком спокойно, или наоборот?

– По-моему, все были напуганы.

– Угу... Вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет, – ответил Дениска, потратив пару секунд на раздумья. Аннушка всё это время молчала, она продолжала обнимать супруга, приложив к его плечу голову, которая изредка кивала в подтверждение слов Дениски.

– Ну, в таком случае, ах да, – произнёс я, тут же встав и сев обратно на стул, – что вы можете мне сказать насчёт охранника Бочёнкина?

– Что вы хотите услышать?

– Ну, видели ли вы его с убитым, поглядывал ли Бочёнкин на него косо?

– Нет, не видели. То есть мимоходом они, кажется, разговаривали, а вот что косо – нет, не видел.

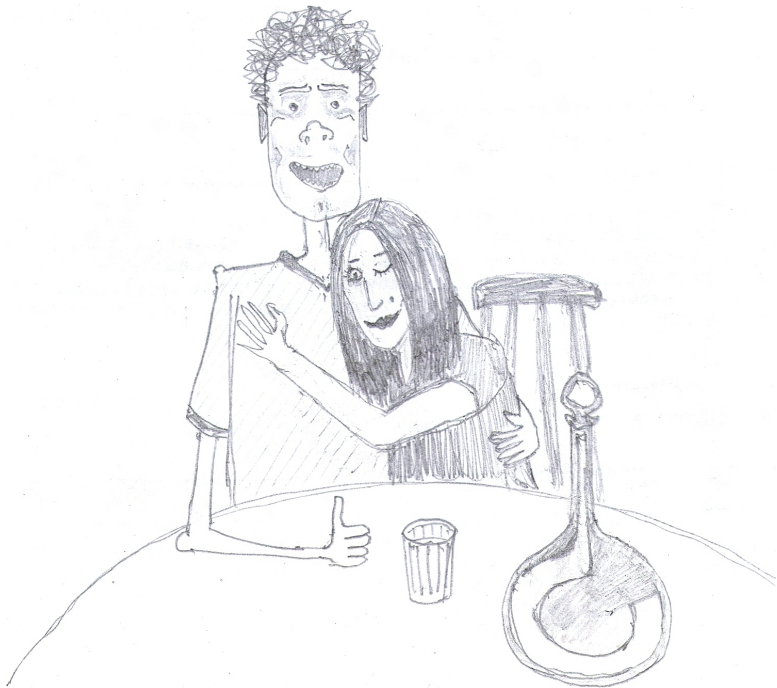
– А можете ли вы представить его убийцей?

Ивановы направили свой взгляд мимо меня на сидящего за тем же – нашим – столиком Бочёнкина, который, сложив на пузе ладошки и опустив один из подбородков на грудь, слегка посапывал. Аннушка улыбнулась, разглядывая его.

– Нет, не могу, – твёрдо ответил Дениска и поглядел на

невесту. Аннушка с улыбкой взглянула на меня и отрицательно покачала головой.

– В таком случае спасибо вам, что уделили мне своё время, – сказал я, вставая. Дениска тоже встал и протянул мне на прощание руку. Когда я её пожал, уже Аннушка протянула мне свои сложенные пальчики, предназначенные явно не для рукопожатия. Я повернул голову на наблюдающую за нами Троянскую. Она, поглядев на меня, сконфуженно отвернулась. После чего я поцеловал эти прелестные пальчики, не отрывая взгляда от больших тёмных глаз Аннеты.

Я пожелал молодожёнам счастья и благополучно пройти им все невзгоды. Ивановы поблагодарили меня за эти слова. Затем я подошёл к Бочёнкину и пнул его в ботинок.

– Вставайте, а то всё проспите.

– А? Что?.. Нашли убийцу?

– Нет, осталось допросить ещё пятерых. Трое из которых там, – указывая на дверь кухни. – Вы со мной?

Мы вошли без стука. Бочёнкин шёл за мной. УГУ! – пря-

мо в первую же секунду сидящий в дальнем уголке Николаев одним – одним! – пальцем дёрнул струну на гитаре и извлёк из неё жалобную ноту. Мой детективный глаз сразу же заметил расслабленное движение пальца и – и! – натянутую до предела – пердела! – струну. После этого я сфокусировал свой взгляд на кухонном столе, и – УГУ! – Пузо прямо на моих глазах слабёхонько замахнулся тесаком на слоновий окорок и с первого же раза разрубил его пополам – пополам! УГУ! – а Ручкин тут же прямо перед нами буквально одним пальчиком – буквально! – ну, может быть, от силы двумя – от силы! – поднял за ручку целое ведро с водой и разными отбросами и прошёл с ним мимо нас в столовую без единого пыхтения. От увиденного у меня даже захватило дух, и я взялся за ворот рубахи, чтобы проветрить грудь. Вернув себе хладнокровие, я подумал: а не дух ли я? Так как вся эта шайка не слишком-то обращала на меня внимание. Лишь один Ручкин перед уходом бросил в мою сторону взгляд, показывающий, чтобы я не загораживал ему дорогу.

– Кхы, кхы... КХЫ!

Ну наконец-то.

– Доброе утро.

Николаев приветственно кивнул.

– Buon.

– Вы ведь знаете... – В этот момент на кухню вошёл Ручкин, поставил ведро и, заметив обращённые на меня в ожидании лица товарищей, повернулся ко мне, осмотрел сверху

донизу, по-хозяйски сложил на груди руки и оперся задом о кухонный стол. – Вы ведь знаете, кто я такой?

– Детектив, а кто же ещё, – высокомерно ответил Ручкин. Сразу бросалось в глаза, что он заботится о своём внешнем виде: блестящая от геля причёска, гордая осанка и модный бордовый пиджак. Вёл себя уверенно и раскрепощённо. Сразу видно – певец!

– Да, Глеб Глебович, детектив, – мой ответ поразил Пузо и Николаева, а вот Ручкин сразу же бросил ленивый взгляд мне за спину, на источник моих познаний. – Все вы прекрасно знаете об убийстве, случившемся здесь позавчера... И моё дело здесь – расследовать его, а ваше – давать мне правдивые показания... Давайте для начала узнаем, что вы делали в момент убийства? – оглядывая всю троицу. – В 20:30.

– Мы – я и мой друг Сёма, – ответил Ручкин, указав головой на Николаева, – были на сцене и радовали публику.

– А большая была публика? – слегка улыбаясь.

Ручкин ещё более выпрямился.

– Публика состояла, собственно, из одного человека, Суворова – пассажира. Вы о нём, наверное, уже что-то слышали. Но – прошу заметить, главное не количество публики, а её качество.

Сидящий вдали Николаев идиотски улыбался и одобряюще кивал.

– А Суворов – это качественная публика?

– Ветеран боевых действий, обладатель наград – это, я ду-

маю, говорит о его качестве, – сказал Ручкин и взмахнул бетонированной чёлкой.

– А я? Я тоже быть публика! – ревниво заявил Пузо, отложив тесак и слонови окорочка. – И каждый день – публика! Я – качественный публика! – подытожил он, поцеловав сложенные кончики большого, указательного и среднего пальцев.

Жерар Пузо был очень похож на Бочёнкина, такой же толстый, только чуть меньше ростом и без растительности на лице.

– Вы тогда тоже были в столовой?

– Si.

– Вы-ы... Жерар – француз?

– Si! – отвечал он с гордой улыбкой.

– Угу. А Анатолия Викторовича разве не было в составе той публики?

Я отошёл чуть в сторону, чтобы видеть всю четвёрку.

– Да, был, – ответил Ручкин, – пока не ушёл.

Бочёнкин явно занервничал.

– А во сколько это было?

– Не знаю точно, но приблизительно за несколько минут – за пять, не больше, – до убийства, – сказал Ручкин.

– Угу.

– До того, как он завизжал... Да, Толик?

Мы все нацелились на Толика.

– Да, – слегка заикаясь, – а к чему, Андрей Арсеньевич,

вы спрашиваете об этом? Я ведь и так вам всё это рассказал.

– Ну ведь должен я проверить, правду вы говорите или нет, – сказал я и на несколько секунд уставился в лицо Бочёнкина, сверля его взглядом. – Значит, все вы, а также пассажир Суворов были в момент убийства в столовой?.. И никто это больше подтвердить не сможет, кроме вас?

– Нет.

– No.

Николаев продолжал на все реплики одобрительно кивать с идиотской улыбкой.

– А что вы сделали, когда услышали крик Анатолия Викторовича?

– Побежали туда.

– Si.

– Все?

– Да.

– Si.

– Вы тоже?

Николаев кивнул.

– А когда вы выходили, не заметили ли вы, чтобы кто-то из пассажиров появился в коридоре с палубы?

Ручкин задумался и ответил, что нет, Пузо тоже, Николаев кивнул – обозначая, что тоже нет.

– Угу. А не заметили ли вы, чего-нибудь странного в тот вечер? (Нет.) Ведь убитый Шифер, – Николаев, услышав это, весело улыбнулся, – был в тот вечер на ужине, так?.. А что

он заказывал?

Ручкин и здесь был готов отвечать первым, но Пузо решительно этого не допустил.

– Позавчера мой особый блюдо на ужин быть пицца! «Маргарита»! И всем быть очень вкусно! – сказал он, активно жестикулируя руками, и в заключение радостно обернулся вокруг своей оси.

– Кстати, Жерар, я вижу, вы очень сильно заботитесь о своей кухне, чтобы всё было на высшем уровне. Вот у вас даже шапочка на голове есть.

– Si! – сказал он, довольный, и снял с головы резиновую шапочку. Шапочка, как выяснилось, снялась вместе с париком, но Пузо как ни в чём не бывало тут же с улыбкой нахлобучил их – шапочку и парик – обратно на лысую голову. – Кухня долён быть чистота! Микробы – по-о, тьфу, бе-е.

– А тогда скажите мне, почему вы работаете не в перчатках?

– Я не виновать! Они пропасть!

– Перчатки?

– Si! Позавчера собирать готовить завтрак – паста, – открывать полка, а перчатки – по! – Пузо в яркой манере проговорил это и даже открыл дверцу стола, демонстрируя там отсутствие перчаток.

– Они были здесь? – спросил я, проглядев нутро стола. – До вечера убийства?

– Si!

– Утром и днём?

– Si!

– А к вечеру пропали?

– Si!

– Не знаете, кто бы мог это сделать?

– No!

– Кто имеет доступ на кухню?

– БИ-ы, все!

– Вы её закрываете?

– No. Зачем?

– Чтобы не крали перчатки.

– No! Я думать, русский честный, а он – по-о, тьфу, бе-е.

– Французы не такие?

– No-o! Совсем.

– Скажите, Жерар, вы родились во Франции?

– Si! Париж! – романтик, кухня! Эйфель башня, Колизей...

– И сколько вы там прожили?

– 25 лет.

– И куда делись потом?

– Русси! Мне нравится Русси! Я люблю Русси!

– А всё-таки, что заставило вас уехать в Россию?

– В Париж меня не ценить! Я быть всегда за традиционный французский кухня! Паста там, пицца, равиоли...

– Угу.

– А тогда в Париж быть мода на иностранщина! На другой

кухня!

– И вы приехали сюда, чтобы познакомить нас, русских, с вашей великой французской кухней?

– Si!

– А как вы оказались на этом теплоходе? Почему именно здесь?

– Объявление! Нужно повар! Мой первый день в Руси – искать работа – и вуаля!

– Угу. И до сих продолжаете здесь работать. А уйти куда-нибудь в другое место не хотелось?

– Но! Здесь ценить мой кухня! Здесь мой друзья! – воскликнул он, насильно обнимая за плечо сопротивлявшегося Ручкина.

– Угу. Все они ваши друзья? – обводя присутствующих взглядом.

– Si!

– А как давно вы дружите?

– 5 лет!

– С первого дня?

– Si!

– Значит, вы, Жерар, работаете здесь уже пять лет?.. Угу, а как давно вы здесь, Глеб Глебович?

– Семь.

– Угу, а вы, Семён?..

– Он пришёл вместе со мной, – ответил Ручкин. – Мы – дуэт.

Николаев кивнул.

– Простите, Семён, а-а как вас по отчеству?

– Александрович, – ответил Ручкин.

– Скажите, а Семён Александрович... он что, немой?

– Нет.

– Но.

Николаев в подтверждение их слов одобряюще, с улыбкой, кивнул. Да, кстати, не забудем и о его внешнем виде: свитер, борода и светлые длинные волосы.

– Угу, понятно. А я у вас, Анатолий Викторович, кажется, не спрашивал, сколько вы здесь работаете?

– Нет.

Мой выжидающий взгляд.

– Я здесь пять лет.

– Вместе с Жераром здесь?

– Нет, я на полгода раньше.

– Угу... Понятно. И всем вам нравится здесь?.. Зарплата устраивает?.. Угу, получается весь экипаж счастлив и дружен между собой?.. Угу, а тогда можно узнать что-нибудь о вашем ещё одном друге?.. Я имею в виду капитана.

Этот вопрос увёл их на неизвестную тропу, и они все дружно протянули «э-э».

– Как его зовут?

– Не знаю, – сказал Ручкин, пожав плечами, – просто капитан.

– А как он выглядит?

Плечи снова встали на дыбы.

– Угу... А вы тоже не знаете?.. А как так вышло? – Все дружно вскинули плечи. – А кто принимал вас на работу? Кто вёл собеседование?

– Моё собеседование проходило через дверь рубки.

– Угу! А у вас?

– Si.

– И у вас?.. Угу!.. А как вы получаете зарплату? Вы ведь её получаете?

– Да, через дверь. У него там есть щель для почты.

– А деньги, полученные от продажи билетов, как я понимаю, он забирает у вас тем же способом?.. И все вы выполняете его поручения через эту дверь?.. Угу... И что, вы никогда не пытались узнать о нём что-нибудь? Посмотреть, как он выглядит? Например, через стёкла рубки?

– Так они же затонированы.

– А, вот как!.. А что вы вообще можете о нём сказать?

– Моё мнение, он – Посейдон, – заявил Ручкин с вполне серьёзным видом. – Ночью, когда все спят, он ныряет в море и охотится там со своим трезубцем.

– А у него есть трезубец?

– А как же, если он Посейдон.

– Но! Он – Дейви Джонс! – сказал Пузо, стреляя из невидимого бластера. – Пиу, пиу.

– Русалка, – мечтательно улыбаясь, наконец-то вымолвил Николаев.

– Угу! – я повернулся к Бочёнкину.

– Урсула, – чутка стыдливо.

– Угу! Интересно. Мне очень не терпится с ним скорее познакомиться... А, вот ещё что, расскажите мне про убитого. Что он из себя представлял?

Плечи Ручкина, т. к. все ожидали ответа от него, молча вскинулись вверх.

– Глеб Глебович, я узнал, что вы за дополнительную плату прибираетесь в каютах пассажиров, это так?

– Ну да.

– А у Шифера вы не прибирались?

– Да, прибирался. Он в первый же день попросил об этом, чтобы я по утрам прибирал постель, ну и пыль кое-где стёр.

– Угу, и много он вам платил?

– 500 в день.

– Рублей?... Угу, получается вы заработали от него 1000?

– Да.

– Угу. А не подскажете ли мне, не общался ли убитый с кем-то из пассажиров за это время? Или даже из вас?

– Он со многими общался. Для него это, кажется, было обычно, просто ради знакомства.

– А с кем-то не просто ради знакомства общался? Не знаю, что-то вроде наедине.

– Иванов.

– Угу!

– На второй день в 9 утра. У меня не получилось при-

браться у Шифера, когда он был за завтраком, поэтому я пришёл в это время. А там сидел он и Иванов.

– Угу! А как они на это отреагировали? Что сделали?

– Кажется, я их застал врасплох. Особенно Иванова. Как я понял, они говорили о чём-то. Шифер сидел на кровати, а Иванов за столом. А когда я вошёл, Шифер сказал ему: «Давайте поговорим потом», – и Иванов ушёл.

– Угу! – тщательно просеивая эту информацию, после чего поглядел на Бочёнкина и ещё раз угукнул. – А что-нибудь ещё? Общался ли убитый ещё с кем-то наедине?

– Да, вечером в первый день я подходил к туалету и услышал, как за дверью разговаривают Шифер и эта баба – Серафима.

– УГУ! В мужском туалете?

– Да.

– И?

– Я думаю, она его туда силой загнала и пыталась захомятить.

– Вот как!

– Да, но в конце я услышал, что он её отшил и пригрозил, что если она ещё раз к нему подойдёт, то у неё будут большие проблемы.

– Угу! А что дальше было?

– Когда они уходили, я спрятался в столовой. Я видел, что Серафима ушла к себе, а Шифер вышел через минуту после неё.

– Угу! И это всё?.. Больше ни с кем убитый не общался?..
Угу... Вы, Ручкин, я вижу, всюду свои ручки протянули. От вас ничего не утаишь.

Ручкин был доволен собой.

– Ну что ж, – выдохнув, – сегодня я здесь услышал много всего интересного. Так что можно, а, да, и напоследок поинтересуюсь у вас: подозреваете ли вы кого-нибудь? – спросил я у троицы.

– Серафима, – ответил Ручкин.

– Из-за той сцены в туалете?

– Ну да.

– Угу... Ну ладно, мы тогда пойдём. Необходимо допросить ещё двух подозреваемых. Всем спасибо за внимание, было очень приятно познакомиться.

– Приходите вечером на концерт! – прокричал Ручкин в закрывающуюся за нашей спиной дверь кухни.

– Обязательно! – Дверь закрылась, и я обратился к Бочёнкину: – На палубу?

Солнце ударило нам прямо в глаза. Зажмурившись, я двинулся вперёд по палубе.

– Вы уже кого-то подозреваете?

– Моё правило – не называть убийцу, пока не будут допрошены все подозреваемые и свидетели. Но – кое-что уже вырисовывается. – Мы перешли на другую сторону палубы и остановились у бортика. – По крайней мере, у двоих есть хоть какой-то мотив.

– Вы про Серафиму? Из-за мести?

– Угу.

– И-и про Иванова?.. А какой у него мотив?

– А, да, вы же спали. У Иванова большие проблемы с бизнесом. Он банкрот.

– Получается, вы думаете, что Иванов заходил к убитому, чтобы попросить у него денег? Шифер отказал, и из-за этого Иванов его убил?

– Конечно, мотив так себе. Какая выгода Иванову от это-

го? Обокрасть? И много денег он планировал у него найти?

– Да, но ограбление не может быть мотивом, ведь кошелёк, кажется, не тронули.

– Ну, во всяком случае, у убийцы просто не было времени искать кошелёк, ведь вы ему помешали, – я посмотрел на угрюмо задумчивого Бочёнкина и не спеша двинулся вдоль бортика. Бочёнкин последовал за мной, и мы, долго меряя шаги, шли плечом к плечу.

– Иванов ничего не говорил вам о разговоре с убитым?

– Не-а... Прежде чем судить обо всём этом, нам необходимо задаться одним очень важным вопросом... Что такому богачу, как Шифер, понадобилось делать на этом теплоходе?.. – Я шёл и смотрел на опущенное лицо Бочёнкина. – Вы же не станете отрицать, что это судно явно не соответствует человеку такого статуса, как Шифер?

– Почему?

– Ну сами посмотрите: ветхое судёнышко, пол проваливается... везде ржавчина... Похоже, ваш капитан не слишком-то заботится о том, чтобы придать теплоходу привлекательный вид. Наверное, все деньги уходят на ваши зарплаты? Зарплатой, как я понимаю, вы все довольны?

Бочёнкин шёл, задумчиво уставясь в пол.

– Вид, может быть, и не богатый, но зато начинка его никогда не подводила. И кухня всем обеспечена.

– Это я как раз и понял: персоналу жаловаться не на что.

Несколько секунд шли молча.

– У вас здесь что, устраивают игры? – спросил я, остановившись у находящегося на палубе деревянного ящика, доверху набитого надутыми мячами.

– Это вместо спасательного круга, – ответил чуть пристыженный Бочёнкин.

Мы двинулись дальше.

– А это что? – спросил я, указывая на повешенный на стене небольшой деревянный ящик со стеклянной дверцей, за которой скрывалось 10-литровое цинковое ведро с привязанной к его ручке веревкой.

– Огнетушитель, – виновато ответил Бочёнкин и засеменил вперёд. Вскоре он захотел отвлечь моё внимание от этих странностей. – Так вы знаете, что понадобилось убитому здесь? Вы думаете, его заманили сюда?

– Ничего нельзя исключать, Анатолий Викторович, ничего нельзя исключать. А вы как думаете? – Бочёнкин стоял, отвернувшись от меня и солнца, и жмурился на море.

– Думаю, – запоздало ответил он, не поворачивая ко мне головы.

– Да, кстати, а когда вы зашли после выстрела в каюту убитого, вы не удивились, обнаружив там Шифера, а не Троянскую? Ведь они поменялись каютами в тот вечер.

– Э-э, нет. Я, кажется, на ужине слышал их разговор об этом, поэтому не удивился.

– Кажется?

– Точнее, точно слышал.

Мы остановились у капитанской рубки.

– Что касается вопроса: что понадобилось Шиферу на этом теплоходе – то, думаю, я знаю ответ.

– Знаете? – оживился Бочёнкин и взглянул на меня, всё также жмурясь от солнца.

– Да, но это вы, скорее всего, узнаете от меня завтра, а сейчас я бы хотел пообщаться с ещё одним подозреваемым, – сказал я, намекая взглядом на рубку. – Вы со мной? Рискнёте ли вы познакомить меня с Урсулой?

– Ммм, не думаю, что у вас что-то выйдет. Капитана не просто разговорить.

– А вы с ним разговаривали?

– Только если дело касается работы, теплохода... а чтобы о другом, – сказал Бочёнкин и завертел головой.

– Ладно, не хочу вас задерживать, мой друг, вы, кажется, устали. Идите, я вас не держу, – сказал я, положив руку на плечо измождённого Бочёнкина. Он, жмурясь на меня, улыбнулся, кивнул и, щёлкнув пальцами, растворился в воздухе. Фантастика.

Стёкла и вправду были затонированы, солнечный свет от них отскакивал, как не знаю что. Рулевая рубка была совсем небольшая. Я попробовал заглянуть в почтовую щель, но она оказалась закрыта. Я постучал.

– Откройте! Это детектив. У меня к вам есть вопросы.

Ответа не последовало. Тогда я принялся стучать ещё сильнее. Теплоход продолжал свой равномерный ход.

– Открывайте!

Изнутри послышался самый грубый и хриплый голос, какой мне доводилось когда-либо слышать. И да, это был тот самый голос, что звучал в день моего прибытия.

– Вопросы?

– Да. Откройте дверь, и мы с вами немного поговорим.

– В щель будешь говорить!

Я был немного обескуражен.

– Почему вы боитесь показать своё лицо? – Ответа не последовало. – Ладно. Как вы знаете, позавчера вечером на этом теплоходе произошло убийство. И моё дело – выяснить, кто это сделал. И каждый, слышите, абсолютно каждый на этом теплоходе является подозреваемым! В том числе и вы!

– Я знаю, кто это сделал.

Я ненадолго впал в ступор.

– Знаете?

Тишина.

– Кто?

– Нагнись к щели, я тебе шепну, – прохрипел он и, кажется, захихикал.

– Л-ладно, – сказал я и, нагнувшись, заглянул одним глазком в щель. Она продолжала оставаться закрытой.

– Ухом!

– Ладно.

Как только моё ухо коснулось двери, я почувствовал, как щель мигом открылась, и оттуда послышался протяжный,

свистящий звук, словно от падающего снаряда, а затем прогремел мощный взрыв. Это он так пёрнул. Я отлетел от двери и ударился спиной о стену столовой. В голове стоял шум, сквозь который я с трудом разобрал смех капитана и его слова, обозначавшие, чтобы я проваливал с этого теплохода. Еле стоя на ногах и убаюкивая раненое ухо, я проковылял к коридору, к своей каюте, всю дорогу беспрестанно проклиная капитана и зарекаясь ему отомстить.

С этого момента и до самого вечера я безвыходно пролежал у себя в каюте. Барабанная перепонка чудом осталась на месте. Контузия никак не давала сконцентрировать мысли на деле. Лишь к вечеру мне стало лучше, и я начал собираться к ужину. Спрятал магнум за пояс, ведь меня ждала встреча с бывшим военным. Но и про яйцезрезку тоже не забыл – её я спрятал во внутренний карман пиджака.

В столовой были все. Ручкин разносил приготовленные Пузо блюда, Ивановы друг друга подкармливали, Троянская медленно жевала, Серафима уплетала за обе щёки, Никита тоже от неё не отставал, Бочёнкин сидел за ломящимся от еды столом и при моём прибытии тут же пригласил меня к себе, а что касается Николаева, то он, скорее всего, сидел на кухне в уголке и тихонько брэнчал. Суворов сидел за стоящим прямо перед сценой столиком. Высокий, плечистый, с сединою на висках, осанка прямая, огромные руки покоились на столе, над губой огромные советские усы – вылитая щётка для обуви. Форма как на параде, на груди ордена. Лет

ему было не больше шестидесяти. УГУ! – прямо на моих глазах он взял из чашки грецкий орех и лёгким – лёгким – движением размолот его в кулаке, после чего высыпал эту труху в рот. Невероятно.

Бочёнкин заказал все шедевры французской кухни: пасту с соусом, пиццу, ризотто, моцареллу и т. д. и т. п. Я и он с большим аппетитом засовывали всё это себе в рот.

– Как поговорили с капитаном?

– Давайте не будем об этом.

– Что-нибудь надумали?

– Про что?

– Про расследование.

– Про всё это вы узнаете завтра, ещё нужно допросить Суворова.

Мы быстро и молча расправились с ужином. Бочёнкин и слышать не хотел о том, чтобы я оплатил счёт. К 19:00 все тоже насытили свои желудки, и когда на сцене появился дуэт музыкантов, Прекрасные, Ивановы и Троянская синхронно встали со стульев и покинули столовую. Остались только я, Бочёнкин и сияющий от радости Суворов, который поприветствовал музыкантов аплодисментами. В дверях кухни стоял такой же счастливый Пузо. Николаев был всё в том же бардовском обличье. Он опустил на стул позади микрофона и с той же идиотской улыбкой уложил гитару на колени, не забыв, конечно же, поприветствовать публику кивками. А вот Ручкин, напротив, облачился в усыпанный стразами пи-

джак и на голову надел пышный светлый парик. Из ниоткуда зазвучал голос:

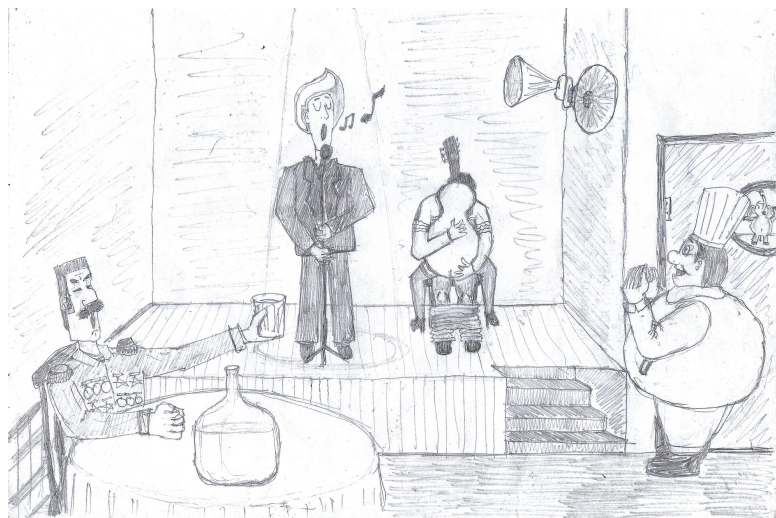
– Добрый вечер, уважаемая публика! Я рад сообщить вам, что сегодня на этом прекрасном теплоходе совершенно случайно оказался сам – Николай Басков! Ха-ха! И он решил осчастливить всех нас своим музыкальным номером! Поприветствуйте!

Посыпались бурные аплодисменты между ладоней Суворова и Пузо, одобрительные от Бочёнкина и умеренные от меня. Но громче всего звучали аплодисменты из динамика, представившего певца. Голос, как я сразу понял, принадлежал Ручкину и был записан ранее. Включилась музыка, и Николаев забренчал на гитаре, хотя фонограмма этого явно не предусматривала. В чём заключалась изюминка этого дуэта? Троянская верно охарактеризовала её как пошлятину. Ручкин просто перепевал песню, исковеркав её текст грязными и бранными словами, например, как в этом случае:

Я – натуральный дебил,
Я по губам себе водил.
Я держал свой хуй рукой,
Я направлял свой хуй рукой,
И наклонялся... головой.

Притом Ручкин это пел в яркой манере Элвиса Пресли. По окончании песни столовая взорвалась овациями, под которые дуэт, кланяясь (Николаев) и осыпая публику поцелуя-

ми (Ручкин), долго удалялся обратно в гримёрную – на кухню. Ручкин вёл себя, как перед миллионной аудиторией. Суворов был счастливее всех, всю песню он смеялся, как помешанный, ещё чуть-чуть и, я думал, он кинется на сцену отжигать, как Ельцин. В конце он также выпил за музыкантов рюмку водки. Пузо тоже не оставался в стороне, постоянно выкрикивая «Bravissimo!». Я счёл этот момент наиболее подходящим для знакомства.

– Разрешите?

– Валяй, – не оглядываясь, сказал счастливый Суворов. Но через секунду увидел меня, встал и протянул руку. – Рад

знакомству, генерал-майор Суворов Степан Денисович!

– Андрей Арсеньев, детектив.

– Ну что ж, присядем?

Мы сели, и Суворов подтолкнул ко мне вторую – полную – рюмку. Я отказался.

– Нравится концерт?

– О, да. Я, если честно, музыку так себе, но эти ребята меня просто поразили. А вам как?

– Да, недурно. С душой, как говорится.

– Да, выкладываются изо всех сил. – Суворов ещё раз предложил мне выпить. Когда я снова отказался, он выпил это сам.

– Позвольте полюбопытствовать, Степан Денисович, где служили?

– Везде, куда отправляла Родина. Вот эти, – показывая пальцем на ряд медалей, – это за Афган, эти за Чечню, вот Грузия, Сирия. А вот это за Украину.

– Да, я вижу, вы достойно носите свою фамилию.

Комплимент Суворову пришёлся по душе. И он решил сделать паузу в выпивке.

– Продолжаете служить?

– Заслуженный отдых. Но вдруг что – незамедлительно готов ринуться в бой!

– Угу, похвально. Значит, отдыхаете на этом теплоходе?

– Да. Позволил себе небольшое путешествие.

– И куда, если не секрет?

– В пункт Б.

– А откуда?

– Из пункта А, – сказал он, засмеявшись, и выпил.

– Угу... И как оно? Путешествие?

– Чудно. Благодаря вот этим ребятам, – указывая на дверь кухни, и выпил. – Просто чудно. В жизни так не смеялся.

– Но, к сожалению, путешествие вышло не без омрачений? – Суворов непонятливо уставился на меня с зависшей в воздухе рюмкой водки. Алкоголь на него действовал, как святая вода. – Я про убийство.

– А, да. – Выпил и утёрся рукавом. – Виноват, забыл. Подозреваете кого-нибудь?

– Пока ещё нет... А вы?

Суворов поднёс к губам очередную рюмку, подумал, замотал головой и выпил.

– Тогда разрешите мне задать вам несколько вопросов? Ваш военный, намётанный глаз, может быть, многое успел разглядеть.

– Ну что ж, понимаю. Родина зовёт. Слушаю.

– Для начала, что вы можете сказать об убитом?

– Ммм, богатый... общительный... ммм, интеллигентный?

– А вы с ним успели пообщаться?

– Так, в первый день на палубе чутка переговорили. Ни о чём серьёзном.

– Угу, а с кем-нибудь из других он разговаривал, так ска-

зять, более серьёзно?

– Ммм, нет, не заметил. – Выпил. – Хотя с вон той старушкой, что ушла, разговаривали за обедом. О футболе, кажется, спорили.

– Спорили?

– Да. Старушка ему там что-то доказывала. Виноват, не слушал.

– Угу, а про их вторую беседу вы не в курсе?

– Что на ужине?

– Да.

– Виноват, не слушал.

– Угу, а тогда не заметили ли вы чего-нибудь необычного в пассажирах? Может, они себя как-то странно вели?

– Ммм, нет. – Выпил, предложил мне, выпил.

– Угу. Тогда давайте сразу перенесёмся к самому убийству. Что вы делали в то время?

– Я был здесь. Эти ребята тогда пели. – Выпил.

– Угу, а что вы сделали, когда услышали крик охранника?

– Сначала я услышал пистолет.

– Угу, громко?

– Так, – жест ребром ладони, – просто я всегда в курсе, когда оружие стреляет.

– Угу, и что же вы сделали?

– Я насторожился, но эти ребята продолжали петь, так что я об этом как-то забыл. А вот когда охранник закричал, тогда мы все всполошились и побежали туда.

– А когда вы вышли в коридор, сколько там было человек?

– Э-э, все. Но не сразу. Я не стал подходить к самой каюте Шифера, а встал здесь, в дверях, – показывая на выход в коридор, – и наблюдал, что происходит.

– Значит, вы видели, кто откуда выходил в коридор в тот момент?

– Так точно.

– В таком случае скажите мне, не видели ли вы, чтобы кто-то заходил с палубы?

– С палубы?

– Да.

– Ммм, никак нет.

– Вы уверены?

– Клянусь честью. Все до единого выходили из своих кают.

Кроме этих ребят и повара, – они были со мной.

– Угу... А вы точно уверены в этом?

– Да чтобы я замарал ложью честь генерал-майора! Я всегда с честью и достоинством ношу эти ордена и погоны, и ни одна сволочь не упрекнёт меня в этом! – выпил две подряд.

Заговорил динамик:

– Дамы и господа, (шёпотом) вы не поверите, но сегодня на нашем теплоходе присутствует сама – Тамара Гвердцители! И не одна! А с песней! Ха-ха! Поприветствуем!

Николаев был в том же и, сев на стул, снова идиотски закивал. Следом вышел и Ручкин – весь в прикиде: макияж, парик, платье, формы... Загремели аплодисменты.

Мне бы быть пиздой,
Той, что под тобой,
Видеть, что ты рядом
И что хуй большой.

Суворов обо мне совершенно забыл, и во время куплета я покинул его, он этого даже не заметил. Я вышел в коридор, следом за мной Бочёнкин.

– Что-нибудь узнали?

– Да, сегодня был богатый день. Но обо всём завтра. А сейчас я бы хотел побыть наедине с собой, если вы не возражаете.

– Хорошо. Понимаю, устали. Вас разбудить к завтраку?

– Да, если не сложно.

И мы попрощались. Спать не хотелось, и я решил побродить по палубе. Я стоял, облокотившись на бортик, и раздумывал о деле. Пока в столовой горел свет, на палубу, чтобы облегчиться выходили Бочёнкин, Суворов, Пузо и музыканты. Я стоял в стороне от их туалетного местечка, в теньке, образованном лунным светом, поэтому ссыкуны меня не замечали. Через какое-то время веселье завершилось, и свет потух. Я остался один в ночной тиши. Ярко сияющая полная луна утаивала от меня близлежащие вокруг себя звёзды. Не было ни облачка. В какой-то момент тишина неожиданно омрачилась звонким чпоком. Я обошёл угол и увидел Никиту. Он стоял у ящика с мячами и с аппетитом разглядывал на

кончике указательного пальца какашку, которая при лунном свете смахивала на кусочек бетона.

– Вкусно?

Никита, уже смакующий деликатес, испуганно повернулся ко мне, ехидно улыбнулся и, хрустя какашкой, убежал прочь. Было около 22:00. Я вернулся на своё место, и через полчаса на палубе появился ещё один поссыкушка. На нём была ночная сорочка, седые распущенные волосы и щетина. Я стоял в темноте и наблюдал, как он долго, с перерывами, облегался в море, после чего, позёвывая, удалился туда, откуда пришёл. Однако.

На первую ночь чудес хватит, решил я, и вернулся к себе, где мне долго не удавалось заснуть из-за весёлого гама, доносившегося из соседней каюты – каюты персонала. Даже заботливо предоставленные теплоходом беруши не уберегли мои уши от доносившейся оттуда чуши. Так что пришлось навестить соседей, чтобы вели себя потише.

III

Скала – Прекрасные – Рассуждение с Бочёнкиным – Визит к Ивановым – Чем это пахнет? – Чудная ночь 2 – Я занимаюсь сексом с Аннушкой

Учитель поднялся на ноги и повернулся к выходу. Я последовал за ним. Вигвам был позади, впереди зелёная степь. Учитель смотрел на меня, зажмуренно улыбаясь. Затем он поднял руку и направил её в сторону вигвама, указывая на одинокую в этой зелени скалу, находящуюся здесь явно по какому-то недоразумению и горющую об этом. Вся она была будто слеплена из гигантских валунов, а сверху почти приплюснута. Учитель направил палец на макушку скалы и сказал:

– Там ответ... Андрей Арсеньевич, просыпайтесь! Уже завтрак!

Бочёнкин грохотал в дверь и почти орал.

Я попросил его замолчать и ожидать меня в столовой. Через минуту, придя в себя, я принялся одеваться, причёсываться и вооружаться. Я открыл дверь и увидел стоящего за ней Бочёнкина.

– Анатолий Викторович, в следующий раз, прошу, не будите меня так. При пожаре и то потише кричат.

– Ой, простите, просто вы просили, чтобы я вас разбудил.

– Да, но не так. В следующий раз постарайтесь это сделать более деликатно. К тому же пропустить завтрак – это ещё не конец света, не так ли?

– Ой, да-да, простите. Я идиот.

– Вы преувеличиваете, Анатолий Викторович, лучше идите и закажите завтрак, а мне ещё нужно сделать утренний моцион.

– Так я уже всё сделал.

– Да, но мне нужно ещё кое-что сделать, – многозначительно глядя на Бочёнкина, пока тот не сообразил, что к чему, и не ушёл в столовую.

Спустя несколько минут я к нему присоединился. Все пассажиры были в сборе и поздоровались со мной по-николаевски, за исключением Прекрасных, которые презрительно ухмыльнулись в мою сторону. Суворов так вообще открыл рот и подмигнул мне одним глазом. Сегодня утром Суворов был не в военной форме, а в обычной полосатой пижаме. Я, не смотря на возражения Бочёнкина, решил обойтись лишь маленькой чашкой кофе и наскоро его выпил.

– Анатолий Викторович, что вы скажете насчёт того, чтобы присоединиться к вон тому столику? – сказал я, указывая глазами на Прекрасных.

– К ним? – слегка испуганно.

– Угу.

– Зачем?

– Для допроса.

– Насчёт её домогательств к Шиферу?

– Угу.

– А-а это не опасно?

– Я вас заверяю, что сегодня она нам не страшна.

– Это почему?

– Сами всё увидите. – Я встал. – Ну так что, вы со мной?

Бочёнкин нерешительно перевёл взгляд с меня на Серафиму, а потом на свой незаконченный завтрак.

– Ладно, – и пошёл за мной.

Мы по-хозяйски, без слов, заняли два пустующих стула напротив Прекрасных. Серафима взглянула на нас такая типа «эт чё?», опустила свой бутерброд на тарелку и сконструировала боевое выражение лица. Никита посмотрел на мать и скопировал её. Бочёнкину было явно не по себе, я, напротив, вёл себя очень уверенно и наигранно улыбался. Я забарабанил пальцами по столешнице, и с правого бока от меня со своим стулом появился Суворов. Он присоединился к нам, с грохотом уложив на стол свои огромные кулаки. У Серафимы они тоже были не маленькие, но всё же поменьше. Эффект возымел действие, и психологически мне удалось поработить Серафиму.

– Здравствуйте... Серафима.

– Здравствуйте... Андрей.

Никита яростно скрежетал зубами.

– Арсеньевич, – вставил Бочёнкин. – Андрей Арсеньевич.

Серафима с ненавистью поглядела на него, но, проглотив

это, промолчала.

– Да, Анатолий Викторович, я всё хотел вам сказать насчёт... – сказал я, выйдя из своего образа, но, тут же поняв это, вернул себе гордый вид детектива. – Не суть. Я к чему вообще подсел к вам сейчас, Серафима... вы не догадываетесь? – Молчала. – Дело в том, что мне про вас вчера удалось узнать кое-что интересное... а именно то, что вы питали явно романические чувства к Шиферу. – Челюсти Серафимы утопали друг в друге. – Да, и ещё то, что убитый это явно не одобрял... угу, так что он даже пригрозил вам большими-ими проблемами, если вы ещё раз к нему приблизитесь... Вот так-то... Ах да, и было всё это в мужском туалете... Ну, так что вы на это скажете?

Серафима не спешила с ответом до тех пор, пока Суворов с невозмутимым видом не начал хрустеть суставами пальцев.

– А что я должна сказать?

– Для начала подтверждаете ли вы это?

– Ну да, подтверждаю, и? Мне что, уже нельзя познакомиться с человеком, который мне понравился?

– Для начала, я думаю, вам стоит развестись, – бросив взгляд на обручальное кольцо.

– А это не ваше дело. В мою личную жизнь я вам лезть не советую. У меня с мужем свободные отношения. Да, Никита?

– Да! – гавкнул он на нас и, засунув руку в штаны, принялся там рьяно ею шурудить.

– Вы меня что, подозреваете?

– Да.

Серафима протянула ко мне соединённые запястья.

– Может, вы и наручники теперь на меня наденете? – Я заколебался. – Или хотя бы улики предъявите?

Никита быстро вытащил из-под стола руку и с помощью пальца начал придавать своему лицу спецназовский окрас. Действовал кистью он очень умело, а палитрой пользовался совсем недурно. Закончив маскировку, Никита обсосал кисть.

– До улик, собственно, дело ещё не дошло...

Серафима откинулась назад и засмеялась, болтыхая грудью. Никита начал ей подражать. Вскоре их дуэт зазвучал, наподобие блюющих кошек. Это могло продолжаться бесконечно.

– Пошли отсюда, – сказал я Бочёнкину и, уязвлённый, кинулся прочь от Серафимы прямо в коридор, а затем на палубу. Бочёнкин шёл за мной.

– Без улик в этом деле никуда, – посетовал я, ходя взад-вперёд по палубе.

– А как вы уговорили Суворова?

– А, – произнёс я, махнув рукой, и опёрся локтями на бортик. Вид морской ряби подействовал на меня успокаивающе, так что, когда Бочёнкин подошёл ко мне и встал сбоку, я заговорил: – Вчера ночью уговорил.

– Ночью? На концерте?

– Нет.

– А когда тогда? Вы что, для этого заходили к нему в каюту?

– Да, но не к нему, – Бочёнкин не понял. – Ещё в первый день я не мог заснуть из-за шума в соседней каюте...

– Это где Ручкин, Нико...

– Да. Я ещё в первый день подслушал и понял, что они там чем-то развлекаются. Но слышал я там четыре голоса. Помните, утром Ручкин понёс Суворову завтрак в каюту и сказал, что это долг?.. Ну вот, тогда-то я и понял что к чему. А сегодня ночью они опять шумели, вот я к ним и заглянул, – я с любопытством смотрел на недоумевающее лицо Бочёнкина. – Долго же я стучал, пока они не открыли мне... И угадайте, кого я встретил там? Кто прятал своё лицо за веером карт, сидя в одних трусах?

– Суворов?

– Хм, да... – усмехаясь. – Вот такой у нас доблестный генерал-майор, честь свою и мундир не пятнает.

– И что он?

– Сказал, что так, случайно, бес попутал. Поэтому он с радостью и согласился за моё молчание оказать мне сегодняшнюю услугу... А вы разве об этом ничего не знали? Про карты в их каюте?

– Я, конечно, знал, что они там втроем в карты играют, но чтобы и Суворов, – замотал головой, – не-а.

– А вы с ними не играли?

– Я? Нет, я в карты в жизни не играл.

– Клянётесь честью мундира? Хм, ладно... Вот только всё это не даёт мне покоя. Как мне после этого верить Суворову насчёт того, что он и ваша троица во время убийства были в столовой... И то, что все выходили из своих кают на ваш крик.

Я и Бочёнкин минуту стояли в молчаливом раздумье. Небесная и морская синь сосала нам глаза.

– Вы подозреваете, что Суворов и ребята в сговоре?

Я пожал плечами.

– А вы что на этот счёт думаете?

Бочёнкин подумал и повторил мой жест.

– Ладно, не утруждайте себя этим, оставьте это мне. Скажите лучше вот что: у кого есть ключи от кают?

– У пассажиров.

– У вас ведь они тоже должны быть? Дубликаты?

– Д-да.

– А ещё у кого-нибудь они есть? У Ручкина, например? Ведь как он тогда убирается в каютах пассажиров? Берёт у них ключи?

– Да, кажется, для этого он сделал дубликаты.

– Угу... в таком случае надо всё равно узнать, закрывал ли дверь Шифер, когда разговаривал с Ивановым или нет. И вообще имел ли он привычку закрывать каюту, когда уходил оттуда. Вот вы, например, когда вам нужно сходить в туалет, закрываете свою каюту?

– Если чувствую, что это ненадолго, то нет.

– И я тоже. И убитый мог делать так же. И за это время убийца мог украсть пистолет и спрятаться под кровать. Хотя, думаю, пистолет он украл задолго до этого... Да, и ещё вот что я хотел у вас спросить. Вы сказали, что когда зашли к Шиферу, то свет у него был выключен, так?.. А не можете ли вы сказать, было ли у него в каюте достаточно светло и без света? Если исключить свет из коридора, когда вы открыли дверь... Луна здесь всегда так светит?

– А, да, точно. Когда я зашёл, то первое, что мне бросилось в глаза – это луна в окне.

– Угу... – задумчиво.

Возникла пауза. Бочёнкин ждал от меня продолжения.

– А как насчёт «сынок»? – спросил он.

– А вы откуда, а, вы тогда ещё не спали... Ну, про это я, наверное, догадываюсь.

– Догадываетесь?

– Потерпите, скоро вы обо всём узнаете.

Снова пауза, но покороче.

– И что вы дальше собираетесь делать?

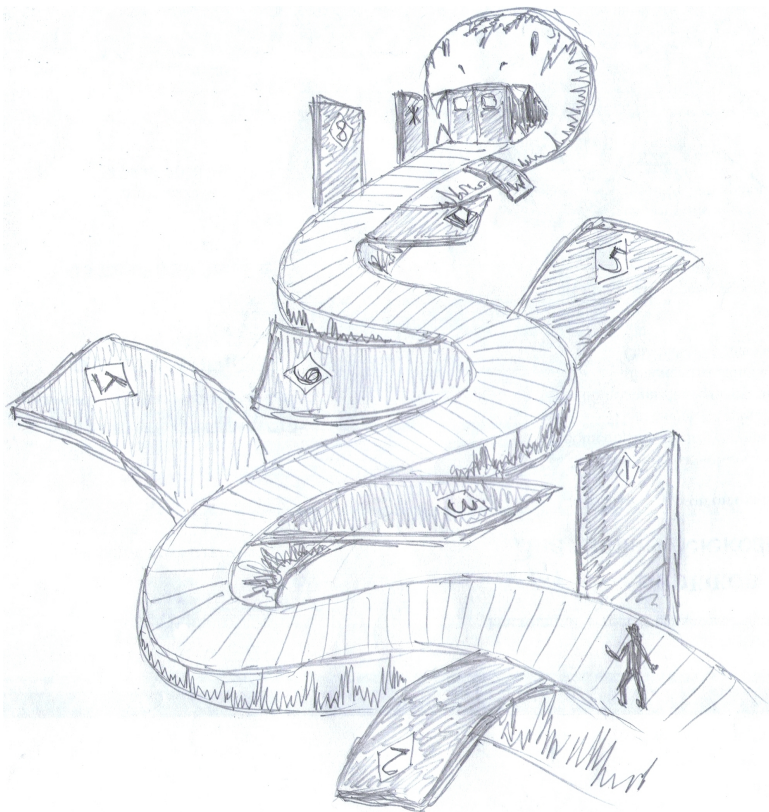
– Дальше... дальше я собираюсь навестить Ивановых.

– Для чего?

– Для того, чтобы подтвердить свою догадку. – Бочёнкин с любопытством ожидал продолжения и даже хотел было задать встречный вопрос, но я ему помешал: – Об этом вы узнаете потом лично от меня. С Ивановыми я предпочту дей-

ствовать в одиночку.

Вот, собственно, и вся суть нашего тогдашнего разговора. Вскоре Бочёнкин оставил меня наедине с собой. Я ещё с десяток минут позагорал на солнце, а когда оттенок кожи приблизился максимально к детективному, решил взяться за дело, а именно за допрос Ивановых. На палубе их не было, завтрак завершился давным-давно, так что оставаться они могли только у себя в каюте. Вообще жизнь на этом теплоходе явно не бурлила, и пассажиры между собой никак не контактировали. В основном они сидели по своим каютам, изредка совершая прогулки до туалета, столовой и палубы. Хотя, может быть, тому причиной было то, что среди пассажиров на этом теплоходе всё ещё оставался убийца Шифера. Что, конечно же, не могло радовать отдыхающих. Коридор пустовал, но вокруг витал какой-то странный дух, или душок? Даже Троянская высунулась из своей двери, морща нос. А! Ну конечно же! Я принялся к двери Шифера и всё понял.

Далее я постучал к Бочёнкину, после чего, обдумав всё хорошенько, мы оба пришли к единому решению – унести тело покойного в трюм. Бочёнкин сказал, что там есть очень большой холодильник и много льда, так что орудовать Пузовским тесаком нам не понадобится. По просьбе Бочёнкина

на помощь пришёл Ручкин. Николаев и Пузо стояли в дверях столовой и наблюдали за транспортировкой мощей. Никита тоже в этот момент появился в коридоре. Мы буквально бегом вынесли Шифера на палубу, а затем и в сам трюм, спуск в который находился под люком между рубкой капитана и стеной столовой. Трюм был большой и весь завален мешками и бочками с едой. Для скоропортящихся продуктов он был оборудован четырьмя большими морозильными камерами. В какой-то момент неожиданно для меня, сверху, из ниоткуда, свалился негодующий Пузо прямо на гору, сложенную из мешков еды. Пузо совсем не нравилась идея поместить разлагающийся и пердящий труп в морозильник. В конечном итоге он кое-как смирился с этим после того, как мы упаковали Шифера в несколько мешков. Всё – дело сделано. После, осмотрев трюм и поинтересовавшись по поводу пузовской телепортации, я узнал, что он появился здесь через люк, выходящий на кухню. А ещё напоследок я увёл Ручкина в уголок и услышал от него, что Шифер не закрылся, когда разговаривал с Ивановым, и ещё то, что у Ручкина действительно есть дубликаты ключей ото всех кают. Один из ключей – под номером 1 – я попросил у него на время расследования себе.

Дальше, спустя четверть часа, я уже стучался в дверь Ивановых. Открыла мне прекрасная Аннушка и пригласила сесть за небольшой столик у окна. Дениска сидел на кровати, нервно прижав друг к другу опущенные на пол ноги. Ан-

нушка подседа к нему и спасительно обхватила его ладони. Каюта была в точности такая же, как у меня и Шифера, – одинокий халат также висел на вешалке.

– Я вам не сильно помешал?

– Нет, что вы. Мы понимаем, это ваша работа, – сказала миланнушка.

Я с умилением разглядывал молодожёнов. Особенно Дениску, который под воздействием моего пристального взгляда неожиданно выдавил «да».

– Считайте, я зашёл к вам не как детектив, а как друг. Скажем так, вы мне приглянулись. – Ивановы натянуто улыбались «к чему это он?». – По вам сразу видно: вежливые, воспитанные люди. Таких нечасто встретишь... Да, сегодня такие люди – большая редкость... – Я забарабанил по столу. – Расскажите о вашей семье. Кто ваши родители?.. Не обижайтесь, Анна, Анна, да? – обратился я к ней, когда она собиралась извлечь звуки из своего чудного ротика. – Но сначала мне бы хотелось послушать вашего супруга. Вы ведь не против? Вас ведь Денис зовут?

На Дениске лица не было. Он с большим трудом извлёк из себя «да».

– А по батюшке как вас?

– П-п-павлович.

– Ага, Дениска Павлович, ой, Денис Павлович. Простите. Очень приятно. А вот меня, как это стало принято здесь, на теплоходе, зовут Андрей Арсеньевич, хотя Арсеньевич –

это... но не суть, – я остановился, с улыбкой разглядывая напуганного Дениску. – Павлович, значит, да?

Дениска незаметно кивнул. Аннушка с беспокойством поглядывала на его бледную хитрую рожу.

– Ваш отец жив, я надеюсь?

Дениска запоздало кивнул, а потом ещё раз запоздало принялся отнекиваться... и снова закивал – и разразился слезами. Аннушка обняла его и осуждающе поглядела на меня. Мне стало их жаль.

– Простите меня, я вовсе не собираюсь вас пытаться. Возьмите себя в руки. Чем раньше вы расскажете мне всю правду, тем лучше будет для вас.

Дениска всхлипнул, отёр слёзы и выпрямился.

– Да, – сказал он, булькая от слёз, – Шифер – мой отец.

И небеса разверзлись!

– А почему...

– Как вы об этом узнали? – резко спросил он, недовольно вперив в меня красные глаза.

– Ну, я же детектив. Не забывайте об этом. От меня ничего невозможно скрыть. Ну если вам так этого хочется, то я заметил, как вы отреагировали на слова Троянской, когда она сказала, что услышала от вашего отца слово «сын», а ещё...

– И вы... – не договорил Дениска и, заливаясь слезами, упал головой на грудь Аннушки.

– И из-за этого вы думаете, что мой муж убил своего от-

ца? – спросила, нет, даже накинулась на меня Аннушка.

– Нет, я ничего такого не думаю, поверьте. Если бы это было так, то полиция уже была бы здесь.

Дениска ещё минуту собирался с силами в объятиях жены. А когда взял себя в руки, то:

– Да, но что вам ещё остаётся думать? Я банкрот, Шифер – мой отец, и я – его единственный наследник.

– Вы правда банкрот?

– Да.

– Ваш отец знал об этом?

– Да, я ему рассказал.

– И как он отреагировал на это?

– Как... советовал мне способы, где добыть деньги.

– А свои деньги он вам предлагал?

– Тогда ещё нет.

– Почему?

– Потому что он не хотел, чтобы все узнали, кому ушла часть его денег и почему, – Дениска отёр рукавом нос. – Потом, я думаю, он всё равно смог бы помочь мне посредством других фондов.

– А как у вас появился этот бизнес?

– Папа всегда хорошо разбирался в бизнесе, поэтому и посоветовал мне, куда вложить деньги.

– А почему ваш отец скрывал вас? Почему у вас другая фамилия?

– Это фамилия мамы. Он всегда боялся, что у меня могут

возникнуть проблемы из-за его денег. Что меня могут даже похитить с целью получения выкупа... И что я сам не справлюсь с такими деньгами... Как видите, он оказался прав, – проговорил он, по рёва-коровски скривив рот.

– Насчёт бизнеса не переживайте – со всеми это может случиться. Я думаю, ваш отец тоже сталкивался с этим. Нигде не бывает легко. – Аннушка смягчилась ко мне после этих слов и даже посмотрела на меня с благодарностью. Потом мы какое-то время помолчали. – Раз вы говорите, что вы – единственный наследник, выходит, ваша мама не жива?

– Нет. Она умерла три года назад.

– Угу... значит, ваш отец не боялся возложить на вас такую ответственность после своей смерти? Я имею ввиду наследство?

– Он говорил, что пока он жив, всегда будет опекать меня сколько сможет. И как я уже говорил, он не был уверен, что я смогу справиться с большими деньгами... Может, это тоже и из-за моего слабого здоровья.

– А что с вами?

– Врачи называют это kishkanius tonkanius.

– Ну я надеюсь, это не серьёзно?

– Нет, просто частая слабость.

– Угу. Ну теперь у вас есть жена. Вдвоём будет легче.

Дениска благодарно улыбнулся супруге и приобнял её одной рукой за талию.

– Скажите, а как обстояли дела со здоровьем вашего отца?

Дело в том, что при осмотре его каюты я обнаружил в его тумбочке таблетки от галлюцинаций.

– Это у него давно ещё – галлюцинации. Но они редко случались и были не особо опасны... Но таблетки эти ему и вправду помогали.

– Угу, – сказал я и снова принялся барабанить пальцами, – угу... а как выдумаете, почему ваш отец сказал «сын»?

Денискины глаза снова наполнились слезами и он пожал плечами.

– Угу... а скажите, как вы общались с отцом из-за этой вашей скрытности?

– По телефону. Иногда, редко, он заходил к нам домой. Но всегда делал это осторожно, следил, чтобы никто не узнал об этом. А иногда мог устраивать как бы случайные встречи. В парке, например, или в театре. Мой отец всегда был очень общительным, поэтому никого не удивляло, что он может разговаривать с незнакомцами.

– А этот теплоход тоже как случайность?

– Да.

– Всё-таки мне кажется, ваш отец с этим теплоходом был не очень осмотрителен: ему бы следовало выбрать теплоход посолидней.

Дениска пожал плечами.

– Да, скажите, а о чём вы разговаривали с отцом, когда вас с ним в каюте застал один из работников персонала?

– Так... просто, о жизни.

– А о банкротстве?

– И об этом тоже, – пришлось признаться Дениске.

– А почему вы не рассказали мне об этом разговоре, ведь знали, наверное, что я об этом узнаю?

– Не знаю, – выплеснул Дениска. – Эти подозрения, убийство. Что мне оставалось делать?

– Ладно, успокойтесь... Скажите лучше, вы подозреваете кого-нибудь? – Пожал плечами. – Отец рассказывал вам об одной из пассажирок? Серафиме?

– А, да, он говорил, что она флиртowała с ним в туалете, но он поставил её на место.

– А вы не думаете, что это могла быть она?

– Я не знаю.

– Скажите, а зачем вашему отцу пистолет?

– Для самообороны.

– А вы знаете, что это за пистолет? Им не так-то просто воспользоваться.

– Я если честно ничего об этом особо не знаю. Я просто знаю, что у папы был пистолет и всё и... как-то особо не вдавался в это.

Наступило молчание, во время которого, ничего более не надумав, я решил попрощаться с Ивановыми. Я поднялся на ноги, Ивановы повторили за мной.

– Скажите, вы ведь меня правда не подозреваете? – спросил Дениска, когда я взялся за ручку двери.

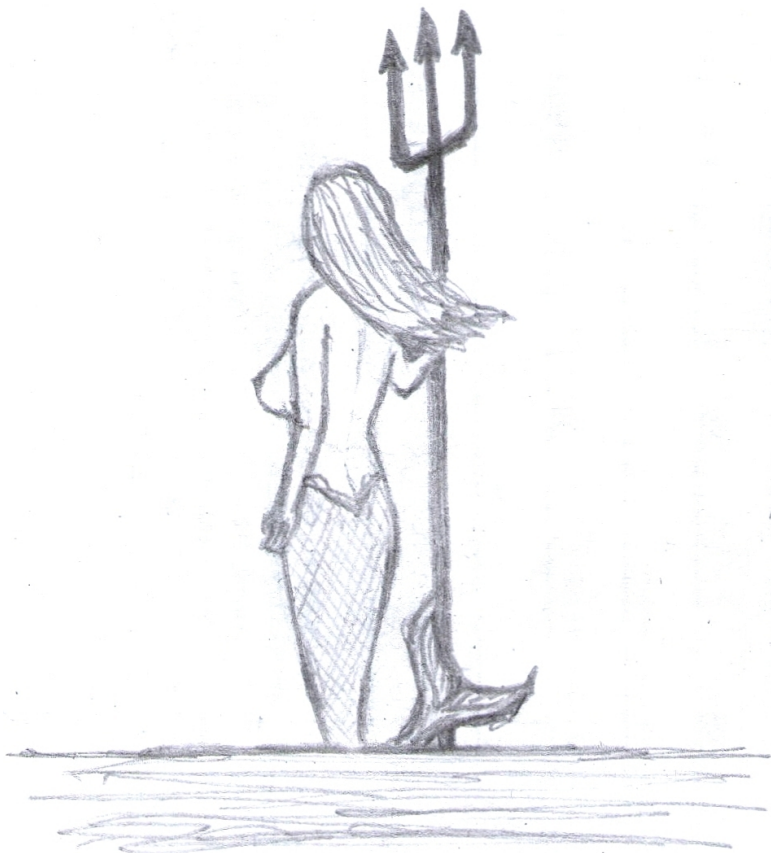
Я думал что ответить, а Ивановы ждали от меня лишь

Один ответ.

– Я вам так скажу: если вы в самом деле не имеете к этому никакого отношения, то прекратите переживать об этом и успокойтесь. Поверьте, за всю свою карьеру детектива я ни разу не обвинил кого-нибудь ошибочно.

К сожалению, мне не удалось развеять сомнения Дениски. Его бледное, измученное лицо было последним, что я видел перед уходом. Далее весь день прошёл спокойно. Я не предпринимал попытки активизировать ход текущих, касающихся расследования дела событий, к тому же для этого нужно от чего-то отталкиваться, а этого – чего-то – у меня под рукой ещё не было. Но я не переживал по этому поводу, даже невзирая на то, что до прибытия в порт оставалось меньше двух дней. В моём расследовании ответы идут ко мне сами собой, моя задача лишь не упустить их. Потом был ужин, а после концерт. В этот вечер публики было больше, чем вчера. Дениска сидел за столом, с убитым видом опустив голову на облокоченные о стол руки и запиная свой страх алкоголем. Кажется, у него случился нервный срыв, который Аннушка, жалобно прося Дениску не пить, безуспешно пыталась устранить. Похоже, Дениска не верит в моё безошибочное, справедливое расследование или... Не дослушав и первую песню, я выбрался на ночную прогулку по палубе. Сегодня была ещё одна замечательная ночь для лунатика. Я стоял, облокотившись на заграждение, разглядывал море, небо, две луны... и просто получал удоволь-

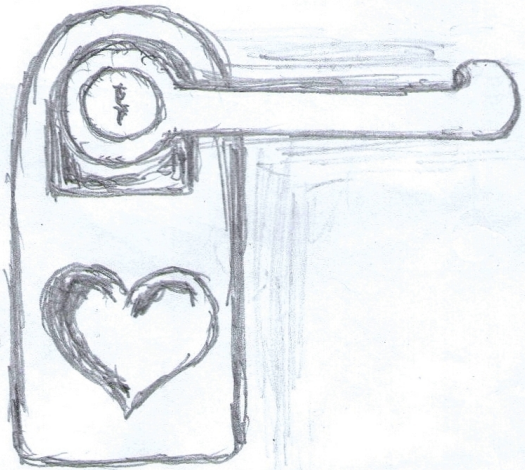
ствие от этой ночной красоты. Да, воистину чудные на этом теплоходе ночи. Очень чудные. Было около двенадцати, свет в столовой ещё горел, но музыка не играла. Я стоял там же, отключив все свои мысли, а когда повернул голову на носовую часть теплохода, то увидел на крыше рубки ослепительной красоты русалку. Она стояла на своём хвосте, повернувшись ко мне своей юго-западной частью тела, в руке она держала трезубец, волосы длинной кровавой волной развевались на ветру, чешуя хвоста поблёскивала лунными красками, а грудь – о боже! какая это была грудь! – большая – но не слишком – в форме доверху наполненного стаканчика мороженого, где соски были эдакой пимпочкой, оставленной по завершении его закачки. Застыв, я притаился в своём тёмном уголке, но русалка и не думала прятаться от кого-нибудь. Она стояла так, кажется, вечность. Но и вечность не бесконечна. Русалка в мгновение ока прыгнула в море. Чуть подождав и придя в себя, я подошёл к капитанской рубке, кое-как, подпрыгивая, попробовал взглянуть на её крышу и, может быть, найти там чешуйку или хотя бы мокрый след – ведь, вполне возможно, она меня заметила. Но достать глазами дотуда мне не удалось. Думал постучать в дверь. Накрыв глаза козырьком ладони, попробовал заглянуть через тонированное стекло, но ничего не увидел и стучать не стал. А что это даст? Больше всего на свете я боялся, что этого пердуна там не окажется. Нет, мне такое разочарование пережить не под силу.

После этого я ещё немного прогулялся и в памяти-беспамяти двинулся в коридор. Свет в столовой продолжал гореть. Я решил поинтересоваться почему и заглянул

внутри. Передо мной тут же появился Пузо и, приложив к губам палец, указал взглядом на спящего за столом Дениску и шёпотом проговорил «в стелька». Я выражением лица показал, что «а-а, понял», и повернулся назад. Как же это вы, милая Аннушка, не рядом со своим мужем, а? Пьяных, значит, не любите, да, Аннушка?.. Плохая девочка...

2

IV

Долгий подъём – С Бочёнкиным о серьёзном – Моё самое таинственное дело – Теории – Снова Бочёнкин и концерт – Озарение – Я узнаю, кто убийца

Мы стояли у подножия скалы. Посмотрев на учителя, я понял, что пора двигаться. Снаряжения у меня никакого не было. Да и чтобы цепляться за выступы или углубления скалы и подниматься таким способом, речи не шло, т. к. валуны были абсолютно гладкими. Я избрал такую тактику: встал в промежутке между валунами (расстояние между ними равнялось чуть менее длины моей руки), упёрся спиной и одной ногой в валун, что позади, а другой ногой – в передний, способствуя руками результативу то там, то тут. Вот, собственно, и всё. Валуны не были расположены симметрично, поэтому перекрёстков из четырёх промежутков мне на пути не встречалось, иначе я бы понятия не имел, что с ними делать. Я просто двигался, как змейка из видеоигры, то вертикально, то горизонтально. И у меня получалось! Всё шло как-то само – не задумываясь. Путь до верха длился о-о-очень долго. Даже относительно течения времени во снах. Когда мне наконец-таки удалось ухватиться за самый верх скалы и подтянуться, то я увидел ровную круглую площадку, на которой стоял хоровод стульев, а на них самих лицом к центру сидели

люди. Я открыл глаза, и какая же боль встретила меня после этого! Я чувствовал её по всему телу. Руки, ноги, спина – они каждую секунду напоминали о себе. Часы сказали мне, что завтрак я проспал. Но обед ещё нет. А есть мне очень хотелось, и поэтому я вынудил себя собираться в столовую. Как же тяжело было одеваться и засовывать свои конечности в штанины, рукава и трусы. Как же тяжело! Моя первая поступь напоминала походку мумии, но со временем я свыкся с болью и вовсе забыл о ней. До стандартного времени обеда оставался ещё час, поэтому в столовой никого не было. Я заявился на кухню и попросил себе хоть какой-то маломальский мням-мням. Пузо с радостью разогрел для меня остатки вчерашнего недоеденного ужина. Половина обеда уже была во мне, когда в столовую заглянул мой приятель Бочёнкин. Он пожелал мне доброго утра и обеда и с радостью составил мне компанию.

– Вы почему меня не разбудили?

– Ну вы же сами сказали, чтобы не поднимать шум.

– Да, поднимать шум не надо, но вот будить надо. Вы что, по-тихому будить не умеете?

– Так в том-то и дело, что я будил вас по-тихому, но вы не просыпались.

– А если бы я умер во сне, вы что, так и стояли бы под дверью, пока вонять не начало?

– Об этом я тоже подумал, поэтому и вышел на палубу и заглянул к вам в окно.

– И что? Как вы поняли, что я ещё живой, интересно узнать.

– Вы лежали с закрытыми глазами и постоянно двигали ногами и руками... и спиной. Вы пополам были согнуты.

Мне не хотелось объяснять суть увиденного Бочёнкиным.

– Вы всегда так спите?

– Ладно, Анатолий Викторович, проехали... Я вас прощаю.

Бочёнкину было приятно это слышать, и он сразу же принялся интересоваться ходом расследования.

– Значит, вы подозреваете, что это Иванов убил своего отца?

– А вы бы что на это ответили? – с этого времени, расправившись с обедом, я сидел, откинувшись на спинку стула, и разговаривал с Бочёнкиным, поедающим свою заказанную порцию.

– Я? Ну, мотива сильнее не придумаете.

– Ну... а вы уверены, что Шифер не помог бы ему? – Бочёнкин с набитым ртом пожал плечами. – И к тому вы же забы...

– А может, он захотел самостоятельности? – спросил он, быстро запив еду.

– Ваша правда. Но смог бы Иванов нажать на спусковой крючок? Вы уверены, что у него хватило бы сил?.. Я не вполне.

– А если вдвоём?

– Хм, вдвоём... Дениска под кровать, а Аннушка в окно? – Бочёнкин кивнул, не отрываясь от тарелки. – Скажите, мой друг, неужели вы думаете, что такой милый ангелочек, как Анна, способен убить кого-то?

– Она вам нравится?

– Вы за кого меня принимаете? Я – беспристрастный детектив. Я на красивые мордашки не ведуся.

– А почему бы вам не сделать проверку на этом пистолете?

– А вы думаете, это что-то даст? Да если я каждому дам в руки этот пистолет, то все вдруг забудут, куда палец нужно ставить.

Бочёнкин, чуть переварив, принял эту гипотезу.

– А вы бы сумели нажать?

– Ну-у я не пробовал.

– А вот я пробовал и скажу вам, что далось мне это с большим трудом. И это ещё с двумя руками... Ну так как, думаете, сильнее вы меня или нет?

Следующую минуту я безуспешно – двумя руками – пытался остановить однорукого Бочёнкина.

– Никогда не понимал этот... – говорил я, переводя дух, – этот... армрестлинг... Ерунда какая-то.

Бочёнкин невозмутимо пожал плечами и снова накиннулся на еду. Вскоре начали прибывать посетители. Дениска, идущий под руку со своей мадам, имел безжизненный – похмельный – вид. Он осторожно опускался на стул, как при геморрое, после чего сморщил от головной боли лицо и стис-

нул его между ладонями. Аннушка, кажется, тоже садилась не без осторожности. Хе-хе.

– Скажите, Андрей Арсеньевич, это убийство – самое тяжелое дело, с которым вы сталкивались?

– Э-э, нет, не сказал бы. У меня было немало таинственных преступлений.

– Не расскажите о самом таинственном? – сказал Бочёнкин, надев на себя самый любопытствующий наряд.

– Ладно. Только сейчас вспомню... Угу. Самое таинственное убийство случилось лет... не помню сколько назад. Это было одно из моих первых дел. В гостинице, где остановилась некая театральная труппа, был убит один из постояльцев. Он был единственным обычным постояльцем в гостинице, все остальные – актёры. Ну, значит, вот, приезжаю я, меня встречает администратор и даёт мне связку ключей от номера убитого. Сам он туда идти ещё раз, сказал, не может... Полчаса, наверное, ушло, пока я нашёл в этой связке нужный ключ от двери. Ну, потом я зашёл, осмотрел тело – ему перерезали горло. Вид был не из самых приятных. Пол весь в крови... Орудия убийства на месте не оказалось. Ну затем я приступил к допросам. Труппа была небольшая – всего шесть человек. Это был какой-то экспериментальный театр или что-то типа того. Ну, в общем, там была молодая девушка с грудным младенцем, старуха горбатая, толстяк, толстуха и ещё молодой парень. И обычный мужик средних лет. Всех их я допрашивал у них в номере. По очереди. Ниче-

го важного я от них не услышал... После этого следующим моим шагом был просмотр записи с камеры видеонаблюдения. Она была в холле. И вот тут-то оказалось кое-что странное. За всё то время, что трупна находилась в гостинице, я ни разу не увидел двух человек в одном кадре..! Всегда был только один. Даже администратор. На следующий день я без предупреждения заявился в гостиницу и сразу же пошёл в номер к девушке с младенцем. Видели бы вы, как администратор пытался мне помешать... Ну и что в итоге, как вы думаете? Что, Анатолий Викторович, я там нашёл?.. Куклу. Куклу грудного ребёнка. И одежду той девушки. Потом мы с этим администратором зашли и в другие номера. Там я тоже нашёл всякие накладки, чтобы казаться толстым, бороду...

– Администратор вас обдурил? – Бочёнкин слушал всё это, как замороженный.

– Да. – Бочёнкин приснул. – Но я ведь сказал: это было одно из моих первых дел. Ещё юнец... Ну, в общем, он сказал, что хотел этим доказать свой актёрский талант. Псих какой-то.

– Это, получается, он убил того жильца? И только ради таланта?

– Я тогда тоже так подумал. Поэтому засадил этого актёршину в местную камеру. Но ведь впереди ещё было вскрытие... Чутьё подсказало мне присутствовать там. И вот стою я там и вдруг вспоминаю: а ведь на записи с камеры убитый тоже появлялся в кадре только один!..

Челюсть Бочёнкина упала на тарелку.

– Он!.. Как!.. Подождите, он что, заgrimировался трупом?! И вы не заметили?!

– Ну я же сказал: начинающий детектив, шея – сплошное мясо, пол весь в крови.

– И что же вскрытие?

– Станиславский бы это явно не одобрил. Как только патологоанатом коснулся скальпелем его лба, этот труп сразу же закричал. – Бочёнкин смеялся, как ребёнок, я тоже ностальгически похмыкивал. – Да, да... но это длилось недолго, пока я не засунул ему кулак в глотку, а патологоанатом не выложил его мозги на блюдечко. – Глаза Бочёнкина вылетели из орбит и повисли над тарелкой. Я помог ему вставить их на место. – Вы меня презираете? А вы что думаете, мы – профессионалы (я и патологоанатом) – позволим шутить над собой?

– А как же камера? Как он оттуда выбрался, вы же его туда посадили.

– Подкупил охранника. Ничего необычного.

– И как же вы закончили это дело?

– Я своё дело сделал: убийцу назвал, весь этот маскарад раскрыл. Ну а полиция получила нагоняй за то, что убийца сбежал... А что касается «убитого» – у него были поддельные документы и он официально завершил свою жизнь. Актёршишка всё тщательно подготовил. Так что он может быть собой доволен. Он оживил свою легенду по максимуму.

Дальнейшие несколько минут прошли в том же дружеском ключе, по окончании которых я попросил Бочёнкина предоставить меня самому себе. С этого времени я был всю вовлечён в расследование убийства. Мозги работали, как... как не знаю что. Наблюдал за экипажем. Заново осмотрел каюту Шифера. Запашок ещё оставался. Воспроизводил в голове всевозможные теории, опровергая и доказывая их. Убийца, когда Шифер отсутствовал, проник в каюту – пистолетом разжился заранее, т. к. почему-то стёр на нём отпечатки (или Шифер чистил досконально оружие, зачем-то вытирая начисто свои же отпечатки? Совсем ку-ку), – спрятался под кровать, а когда Шифер пришёл – и сел на кровать! – вылез из-под неё, навёл пистолет, услышал «сынок» и выстрелил. После чего снова спрятался под кровать, нет, сначала услышал Бочёнкина, испугался, бросил пистолет – времени на вероятное ограбление и инсценировку самоубийства не было (а была ли она вообще возможна?) – спрятался под кровать, а когда Бочёнкин зашёл, а потом вышел, чтобы кричать на помощь – А! – быстро вылез и, т. к. Бочёнкин стоял к нему спиной, выбежал на палубу – неслышно. Вот только есть кое-что самое странное: никто не видел, чтобы кто-то заходил на крик Бочёнкина с палубы. Почему так получается? Я обследовал палубу. Можно предположить, что убийца в таком случае залез в свою каюту через окно. И если это так, то кто может пролезть в эти окошки? Троянская? В её возрасте? В это верится с трудом. Никита? При его ро-

сте без помощи подставки не обойтись. Аннушка? Вот она и помоложе и повыше. Вот только силёнок для пистолета не хватит. Тогда прибегнем к теории Бочёнкина: Аннушка и Дениска действовали вдвоём. Дениска выбежал в дверь, а Аннушка выпрыгнула в окно. После чего запрыгнула к себе в каюту также через окно. Но куда тогда деваться Дениске? Он в окно не пролезет. Единственный вариант: Бочёнкин не заметил, как он выбежал от Шифера прямо к себе в каюту, ведь она как раз напротив. Могли даже вдвоём, без Аннушкиных сальто-мортале. Ну, как-то так. А не заметил бы Шифер в таком случае двоих под кроватью? Аннушку и Дениску. Кровать одноместная и, судя по тому, как она была застелена, второй человек легко оказывается на виду. А Аннушка на Дениске лежать не могла – клиренс низковат. Хотя нет, ведь свет в каюте Шифера был выключен, и в таком случае Шифер мог не заметить двоих. Так, постой. А ведь свет во время убийства вполне мог быть и включён, а выключен уже самим убийцей после того, как Бочёнкин начал стучать в дверь. Угу. Ладно, это не имеет особого значения, поскольку не забываем: Шиферу больше семидесяти и у него проблемы с рассудком. Что со светом, что без. Но могло быть и так, что убийца и не ждал Шифера под кроватью, а просто зашёл через дверь и убил его. И ещё не даёт покоя это странное «сынок». Если допустить, что Дениска тут ни при чём, то может быть, убийца чем-то напомнил его в тот момент? Кто похож на Дениску? Ручкин? Молодой, но внешность совсем

не такая, и выше него чуть ли не на голову. А если допустить, что это сделал Никита? Может, он напомним Шиферу маленького Дениску. Хотя вряд ли Дениска в детстве отличался такими пухлыми щёчками. Но всё же. Не будем это исключать. Но как тогда Никита оказался у себя в каюте? До окна с палубы без подставки он бы не допрыгнул. И к тому же подставку нужно было бы убрать. И ещё Nedotroga. А если представить, что убийца Серафима? Хотя как? Ведь она тоже вышла на крик Бочёнкина из своей каюты. Опять же, если с палубы никто не заходил, и выбросить из головы Nedotrogu, то убийцей может являться только: Никита, Троянская и Аннушка (возможно, сообща с Дениской) – т. к. они единственные могут пролезть в окно. Но нельзя исключать и заговор. В убийстве мог быть замешан квартет. Пузо-Ручкин-Николаев-Суворов. А может, даже и квинтет! Добавим к ним добродушного Бочёнкина. Конечно же, самый простой вариант убийства – это действующий в одиночку Бочёнкин. Объяснять, как всё это могло быть устроено, я думаю, не нужно. Но если всё-таки заговор? Попробуем обойтись квартетом. Потому что, если это был квинтет, то ради развлечения они могли даже нажать на спусковой крючок впятером. Но почему тогда «сынок»? А если Троянская меня наебла? Может, они вообще все в сговоре? Опять эта Кристи? Ладно, вернёмся к квартету. В окно из четвёрки заговорщиков никто не пролезет. Под кроватью мог спрятаться только один, и уж точно не Пузо. С его пузом это совершить просто невозмож-

но, если только Шифер не заметил, что сел на приподнятую кровать. Тогда остаётся кто-то один из трио. Может, это даже произошло из-за проигрыша в карты, кто знает. И если так, то получается, что убийца выбежал на палубу, а затем! вернулся в столовую прямо через ту дверь в стене. Ну, вроде как-то так. Из всех возможных вариантов – если верить добродушному Бочёнкину – исключается только Пузо (из-за пуза) и Серафима, т. к. в окно она не пролезет, а с палубы не заходила. Но может, и она тоже состоит в их сговоре? Тогда автоматически к ней в сообщники добавляется Никита, поскольку укрывает её, говоря, что был всё это время в каюте с мамой. Раз уж под подозрения попадают «силачи» Ивановы (если вдвоём, то Аня – в окно, потом опять в окно, но уже в своё, но сначала вошла к Шиферу через дверь, чтобы помочь выстрелить прятавшемуся под кроватью Дениске, а может, они оба вошли через дверь (а может, Дениска как-то напряг свою кишку и всё сделал самостоятельно?)), значит, не будем исключать и всех остальных касательно особенности Nedotrogi, например ребёнка Никиту и старушку Троянскую, хотя они уже и успели продемонстрировать мне какую-никакую силу своих пальцев. А ведь ещё рокировка Шифера и Троянской прямо в вечер убийства! Совпадение? Сыграло ли это какую-то роль в убийстве? Может, убийце нужна была Троянская, а не Шифер? И всё это убийство – досадная ошибка. Но за что убивать Троянскую? Шифер по сравнению с ней гораздо более аппетитный фрукт для убий-

цы. Да и к тому же все, наверное, были в курсе этой перестановки. Так что этот вариант отменяем. От-ме-та-ем! Ну и что у нас в итоге получается? Если допустить, что пистолетом мог воспользоваться каждый (адреналин порою творит чудеса!), но исключить сговор, – под подозрения попадают только Аннушка, Дениска, Троянская, Никита и всё. Другие: Суворов, Серафима, Николаев, Ручкин и Пузо – исключаются из подозреваемых, т. к. с палубы они не заходили, а если бы зашли из неё напрямиком в столовую, то остальные бы это заметили, ведь так? По поводу пистолета: всё же маловероятно, что им мог воспользоваться кто угодно, ведь зачем-то понадобилось детективному богу включить эту особенность в свою историю. Фу-у... ну как-то так. Или всё-таки Бочёнкин врёт.

Улики! Улики, товарищи! Без них все подозрения – просто труха. Но вот ими-то за всё это время мне разжиться, к сожалению, не удалось. RRRRRRRRRR – я в ярости.

К наступлению вечера в процесс расследования вмешался некто Перерыв, и мой мозг получил заслуженный – ? – отдых, а желудок заслуженный – ! – ужин. Всё было также, как всегда, все на своих местах.

– Завтра прибываем в порт.

– Угу.

– Вы успеете за это время?

– Если опираться только на факты – нет. А если брать во внимание мою уверенность и результаты прошлых дел, то я

ни чуточки об этом не беспокоюсь.

– Да, но как вы будете действовать? Ведь нужны доказательства.

– Не знаю... Сон подскажет.

– Сон?

– Я работаю во сне и наяву.

Бочёнкин не стал допытываться насчёт смысла моих слов, и мы ненадолго замолчали.

– Вы сегодня выглядите уставшим.

– Да, мозги вскипели. Будете?

Я поднял крышку черепа и наложил чутка варёных мозгов Бочёнкину на тарелку.

– Не поделитесь шо мной, шо надумали жа шегодня? – спросил Бочёнкин, остужая свой открытый, наполненный закуской рот.

– Нет. Лучше вы мне скажите: кого бы вы обвинили на моём месте?

– Не знаю, – ответил он, проглотив порцию.

– А какие вопросы вы бы себе задавали? Как действовали?

– Не знаю... Мотив, наверное.

– Хорошо, давайте обсудим мотив. У кого он есть? – Бочёнкин внимательно оглядел присутствующих. – Я вам помогу: у Иванова – наследство, у Серафимы – месть, так?

– Ну да.

– И что дальше? Какие это даст вам улики?.. Вот, например, Иванов. Смогли бы вы убить своего отца?

– Не знаю. У меня его не было.

– Угу. А мать, я надеюсь, была?

– Да. И есть.

– Не сочтите, что я лезу не в свои дела, просто я тоже вырос без отца... Он что, ваш отец, умер?

– Я о нём ничего не знаю. Мама говорила, что он нас бросил.

– И вам никогда не хотелось о нём что-нибудь узнать?

– Нет.

– А почему можно узнать? Мне вот, например, всегда хотелось.

– Просто не хочу ему навредить... Если бы я его встретил, то, думаю, ему бы не поздоровилось.

– Ого, вот вы какой, – сказал я, впервые за наше знакомство увидев Бочёнкина серьёзным. – Ладно, давайте вернёмся к делу... Есть ли ещё у кого мотив? Конечно, можно предположить ограбление. Но кто бы пошёл ради этого на убийство? Ведь чтобы заполучить кошелёк, для этого не обязательно убивать, не так ли? В таком случае это был очень неопытный воришка – да и вообще почти всё в этом убийстве указывает на неподготовленность преступника – и к тому же очень нуждающийся в деньгах, раз решил их таким способом заполучить... Вы в них не нуждаетесь?

– Не знаю, – задумчиво ответил Бочёнкин и пожал плечами, – всем они, наверное, нужны... Но на убийство я бы не пошёл.

– А для чего вам деньги, разрешите спросить?

Бочёнкин на пару секунд ушёл в себя.

– Для ребёнка.

– У вас есть дети?.. Один? Два?

– Одна. Дочка.

– Вы разведены?

– Нет.

– Я не вижу у вас кольца.

– А, – акнул Бочёнкин, поглядев на безымянный палец, – оно лопнуло.

– Когда?

– Да давно уже, я и не помню.

– А почему не отнесли в ремонт?

– Ды... подумаешь, есть кольцо, нет...

Я усмехнулся.

– Так вам нужны деньги для дочки?

– Да. У неё онкология.

Я издал удивлённый и сочувствующий звук.

– Да, но опухоль доброкачественная.

– Деньги нужны на операцию?.. Сколько?

– 10 миллионов. – Я вытянул губы. – Половина почти уже собрана.

– Как только приплывём, Анатолий Викторович, дайте мне всю информацию, как помочь вам. Номер счёта там или сайт фонда... Я постараюсь вам помочь.

Бочёнкин был очень тронут моим предложением и побла-

годарил меня за это. После этого мы принялись сидеть молча. За это время я ощутил резко напавшую на меня сонливость. Скоро заговорил динамик и оповестил нас о том, что совершенно случайно на этом теплоходе оказался сам – вы не поверите – Гарик Сукачёв. Остались только я, Бочёнкин и Суворов. Дрёма начала вмешиваться в реальность, стирая её из моего сознания. Веки опускались... звучала зевота... и...

Я милого узнаю по мошонке...

Я подошёл ближе к хороводу стульев. Их было одиннадцать. Не считая центрального, к которому были обращены все лица сидящих. Там сидел Шифер. Вроде живой, но какой-то сильно понурый. Вообще все были словно застывшие. Никто не обращал на меня внимания. На расположенных вокруг стульях сидели пассажиры теплохода и члены экипажа, за исключением капитана. Предназначенный для него стул пустовал.

Я решил воспользоваться этим. Когда я двинулся в его сторону, картина ожила. Все встали (Шифер продолжал сидеть, устало опустив пустой взгляд) и медленно направились к Шиферу, строя на ходу преувеличенно грозные лица, как в пантомимах. Когда Шифер грустно, еле слышно, произ-

нёс слово «сын»», из ниоткуда на капитанском стуле возник учитель. Через секунду после этого с жалобным завыванием пронёсся ветер, всколыхнув волосы на голове учителя. На коленях он держал белый фарфоровый кувшин. Все продолжали миллиметр за миллиметром приближаться к Шиферу, корча ему злые рожицы и издали по-боевому махая руками в стремлении нанести ему побои. Учитель наклонился, взял с поверхности скалы горсть пыли и высыпал её в кувшин, после чего взболтал его. Потом он, улыбаясь, поднёс кувшин к губам и отпил из него. Когда он опустил его, я увидел на верхней губе учителя след от напитка. Скорее всего, шоколадного. Учитель, не отрывая от меня весёлого взгляда, отёр улыбку рукавом, молниеносно встал, достал из-за пояса пистолет и выстрелил в Шифера. Тот взорвался огнём. В следующий миг на нас со всех сторон обрушилось море.

Я вздрогнул. На сцене уже пел не Сукачёв. Всё внимание слушателей было направлено на сцену. Я ещё раз прокрутил в голове увиденное и понял, как мне действовать.

– Вы куда? – спросил меня Бочёнкин, когда я поднялся из-за стола.

– Мне нужно кое-что выяснить.

– Я могу чем-то помочь?

– Нет... не можете.

Я вышел на палубу и достал телефон.

– ...Мне нужно, чтобы ты пробил одного человека... Да, я знаю, что это не честно, но это необходимо... Всё... Бочён-

кин Анатолий Викторович...

После я принялся за сбор улики. Всё было на поверхности. Когда я выходил из каюты Шифера, замурчал телефон.

– ...Узнал?.. Другая?.. Какая?.. Так я и думал.

Я отключил телефон и спрятал в пиджак – навстречу мне шёл Бочёнкин. У него был радостный вид.

– Андрей Арсеньевич, я просто ещё раз хотел предупредить: завтра утром мы прибываем в порт, так что не будет ли у вас ко мне каких-нибудь поручений?

– Да, да... – я всё ещё был в замешательстве от узанного, – попросите завтра всех собраться в столовой, когда будем уже в порту... И пришлите людей из полиции.

– Вы что, знаете, кто убийца?

Я несколько секунд разглядывал добродушное лицо Бочёнкина.

– Да, знаю... К сожалению.

Я оставил взбудораженного Бочёнкина одного и ушёл к себе.

V

Чудесное утро – Столовский суд – Обвиняется! – Рассказываю что да как – Секреты, секреты и ещё раз секреты – Торжество добра – Прощание

Кто убийца? Выберите один или несколько правильных ответов.

- а) Бочёнкин Анатолий Викторович
- б) Иванов Денис П-п-павлович
- в) Иванова Анна
- г) Капитан
- д) Николаев Семён Александрович
- е) Прекрасная Серафима
- ж) Прекрасный Никита
- з) Пузо Жерар
- и) Ручкин Глеб Глебович
- к) Суворов Степан Денисович
- л) Троянская Марфа Васильевна
- м) Шифер Кирилл Андреевич (самоубийство)
- н) здесь нет правильного ответа

Мой вариант: _____

Наконец-то у меня выдался спокойный сон. Взглянул на часы – почти семь. В окошке ясное утречко, причал. На мне элегантный судейский смокинг, в нём наручники.

– Иду! – когда постучал Бочёнкин.

Он волновался. Вперёд! Не без удовлетворения от проде-

ланной работы. Столовая-судейская. Встать! Суд идёт! Ивановы, Прекрасные, Суворов, Троянская – на своих местах. Ручкин и Николаев – за одним столом у сцены. За соседним столиком Пузо. Только капитана не хватало. Я остановился у дверей. Бочёнкин слева от меня. По обе наши стороны стояли двое полицейских, они поздоровались со мной по-николаевски. На лицах сидящих сидели волнение и любопытство.

– Всем доброго утра... Вот и настал этот знаменательный день! Судный день! День, когда весь мир узнает правду! – Все объективы на меня. Крупный план. Я достал из внутреннего кармана смокинга наручники. Я протянул их Бочёнкину. Он очень сильно нервничал и глубоко дышал. Он с трудом держал себя в руках. – Анатолий Викторович... дайте мне ваши руки... ну же, смелее... вот, возьмите наручники и-и (мастерская детективная пауза) наденьте их на руки убийцы.

Никто не понимал, что происходит. Бочёнкин тем более, и поэтому спросил:

– На кого?

– Вот на этого сукиного сына!

Все глаза нацелились на мой перст правосудия, а от него на...

Он сидел как ни в чём не бывало. На лице даже заметны были признаки самолюбования, гордости. От того, что его поймали и что все узнают правду.

Все разинутые рты были направлены на убийцу. Они не

могли поверить в это. Серафима, придя в себя, встала и выкрикнула:

– Сам ты – сука!

– Он?! – воскликнул Бочёнкин, держа в руках наручники. – Мальчик?! Но как?!

– У меня есть улики. – Из другого внутреннего кармана смокинга я достал прозрачный пакетик. – Это его дерьмо. – Все, скривив рты, глядели на пакетик и содержащийся в нём целостный катях. Я поворошил пакетик, отчего катях со звоном развалился на три части. – Вот этот, – указывая на один кусочек, – я нашёл под кроватью убитого. Он прилепил его к боковой стенке основания кровати, которая граничит со стеной каюты. Вот этот я нашёл вчера поздней ночью внутри кухонного стола, где находились перчатки, в самом уголке, за посудой. А вот этот, – указывая на солидный центральный кусок, – я нашёл в ведре, что служит у вас огнетушителем. Этот маленький убийца с помощью него смог достать до своего окна, когда убежал от убитого на палубу, а потом с помощью верёвки поднял его себе в каюту. А позже ночью, когда всё успокоилось, вернул ведро обратно. Не забыв, конечно же, перед этим посрать туда.

О да, Никита был собой доволен. Это было лицо настоящего хладнокровного убийцы. Я таких ещё не встречал.

– Но какой смысл? – спросил Бочёнкин. – Зачем оставлять такие улики?

– Анатолий Викторович, вы забываете о том, что мно-

гие преступники подсознательно желают, чтобы их поймали, чтобы все узнали о них.

– Но... а зачем он это сделал?

– Вот это пусть он расскажет нам сам. – Я подошёл к Никите. Он поднялся из-за стола. Чтобы быть с ним наравне, я присел на корточки. – Скажи, зачем ты это сделал, ммм?.. Смысла отпираться нет. Улики железобетонные.

Моя манера общения доброго полицейского смягчила Никиту, и его лицо стало детским, невинным. Он заплакал.

– Я... один раз... при нём... – заговорил он, хныкая.

– При дяде Шифере?

– Н-дя-я, – обиженно и выпятив нижнюю губу. – Один раз я при дяде Шифере поковырялся у себя и достал катяшочек, – Серафима слушала Никиту с гордым видом матери вундеркинда. – На вид он был такой вкусный... Но этот дядя Шифер выбил его из моей руки и отвёл в туалет, чтобы я помыл руки, и сказал, чтобы я так больше не делал. Н-дя-я... И после этого я его люто возненавидел.

– Хм, люто. Какой умный мальчик, – сказал я, вертя пуговицу на Никитиной рубашке. – А ты знаешь, что в тюрьме делают с такими умными и милыми мальчиками, как ты?

– Что?

– Их в жопу трахают.

Серафима от шока раскрыла рот.

– Уведите их.

Полицейские взяли под руки Прекрасных и вывели их из

столовой. Все поднялись и начали гудеть между собой. Подошёл Бочёнкин.

– А что его мать? Она его укрывала?

– Мой детективное чутьё уверенно подсказывает мне, что Никита действовал в одиночку. И я даже уверен в том, что Серафиму разбудил не ваш крик, а сам Никита, когда все начали собираться в коридоре.

– Да, но как он смог выстрелить? Он же ещё совсем ребёнок?

– Вы недооцениваете силу его пальца. Когда в первую ночь я прогуливался по палубе, то застал Никиту, ковырявшегося у себя в штанишках. И вот по тому, что он достал оттуда и как хрустел этим, я понял, что сил у этого мальчишки ого-го. Да вы сами их потрогайте и убедитесь в этом, – сказал я, вертя перед его носом пакетик с уликами. – Я их чуть ли не монтировкой отковыривал.

Бочёнкин решил поверить мне на слово.

– Знаете, Анатолий Викторович, это ещё не всё, что я хотел сообщить сегодня, – слушатели наостригли ушки. – Почти у каждого на этом судне есть свои секреты... – я оглядел секретеры, – но я не буду все их раскрывать, поскольку мне за них не платят. Но – я никак не смогу обойти стороной вашу тайну.

– М-мою?

– Да.

– Н-но у меня...

– Вы о ней не знаете. Но знаю я. Вчера я попросил моего знакомого пробить вас по базе данных. И он кое-что выяснил о вас... и о вашем отце... – Бочёнкин в любую секунду мог лишиться чувств. – Вы знали, что ваша мать поменяла вашу фамилию, когда вам был годик?.. А знаете, какая изначально была ваша фамилия?.. Шифер.

Все остолбенели. Бочёнкин с Дениской, напротив, пошатнулись и чуть ли не свалились на пол.

– Не частая фамилия, согласитесь. Конечно, у меня нет стопроцентных доказательств, чтобы утверждать, что Шифер – ваш отец, но – тест ДНК, я уверен, подтвердит всё это. Сегодня утром я опять созвонился со своим знакомым и узнал у него более подробную информацию о вас. Ему удалось выяснить, что ваш отец всегда любил вас и ни на минуту не забывал о вас, и поэтому всё время пытался вас найти, но ваша мать – может, из-за обиды на него или что-то ещё – не давала ему это сделать, для чего и поменяла фамилию, и уехала в другой конец страны... Не спрашивайте меня, как моему знакомому удалось это узнать – на то он и есть Малахов... Кстати, я подозреваю, что Шифер назвал Никиту сынком, потому что он напомнил ему – вас! Он видел вас маленьким и знал, что вы родились 6-килограммовым карапузом. И в шесть лет вы, возможно, выглядели именно так, как этот Никита... Так что я поздравляю вас, Анатолий Викторович, вы имеете полное право получить часть наследства покойного. Кто знает, может, Шифер даже и упомянул вас

в завещании.

– Если всё это правда, я с радостью помогу вам, – сказал Дениска, подходя к нам со своей невестой. – Мы помним, как вы отважно бросились нам на помощь, когда та женщина накинулась на нас.

Бочёнкин не верил в происходящее. Кто, глядя на него, мог подумать, что его ожидает судьба Золушки? Бочёнкин принялся заикаться и отнекиваться от предложения Дениски.

– Подумайте о дочке, – сказал я, дружески положив ладонь на плечо Бочёнкина. Глаза его наполнились слезами.

И на этом всё, дорогие друзья! Всё в этом мире воздаётся по заслугам. Главное, не забывать об этом. Если вы по жизни всегда были хэппи, то без хэппи-энда вам не обойтись.

Я заглянул в свою каюту, взял чемодан, оставил на тумбочке ключи и ушёл.

Какая чудная погода! Как раз под настроение. Солнце жгло будь здоров. Чайки встретили меня овациями.

Ну что ж, в путь, друзья! Впереди меня ждёт чудесная дорога домой. Вот только сначала нужно переодеться в дорожный костюм. Я укладывал свой судейский смокинг в чемодан, когда увидел двигавшегося в мою сторону Бочёнкина. Вид у него был... не описать словами.

– Андрей Арсеньевич, постойте! Я хотел у вас кое-что спросить... Помните, вчера ночью в коридоре я спросил вас,

знаете ли вы, кто убийца, и вы сказали «да, знаю... к сожалению»... Почему вы сказали «к сожалению»? Судя по тому, что я видел в столовой, вы не очень-то жалеете мальчишку.

– Для драматизма, Анатолий Викторович... Для драматизма.

Бочёнкин парил над палубой и глядел, как я завершаю переодевание в дорогу.

– Вы опять так же?

– Угу, – произнёс я, с улыбкой натягивая на глаза очки, и, пожав другу руку, прыгнул за борт.